

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

παράλιπονένων

*Владимир
Корвин-Пиотровский
Поздний гость*

СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПОЭМЫ

Серебряный век. Паралипоменон

Владимир Корвин-Пиотровский

**Поздний гость:
Стихотворения и поэмы**

«Водолей»

2012

Корвин-Пиотровский В.

Поздний гость: Стихотворения и поэмы / В. Корвин-Пиотровский — «Водолей», 2012 — (Серебряный век. Паралипоменон)

Поэт первой волны эмиграции Владимир Львович Корвин-Пиотровский (1891-1966) – вероятно, наименее известный из значительных русских поэтов XX века. Он играл немалую роль в период краткого расцвета «русского Берлина», однако и позднее оставался заметной фигурой в других центрах русской диаспоры – Париже и Соединенных Штатах. Ценимый еще при жизни критиками и немногочисленными читателями – в том числе Бердяевым, Буниным, Набоковым, – Корвин-Пиотровский до сих пор не обрел в истории русской литературы места, которое он, несомненно, заслужил. Собрание сочинений В. Л. Корвин-Пиотровского выходит в России впервые. Помимо известного двухтомного собрания «Поздний гость» (Вашингтон, 1968), не успевшего выйти при жизни поэта, оно содержит произведения, которые автор, опубликовав в ранние годы творчества, под конец жизни не признавал, а также значительное количество никогда не публиковавшихся стихотворений.

Содержание

I. Лирика	11
Стихотворения	11
Осенняя мелодия	11
Зачарованные мгновения	11
Одиночество	12
Русская песня	13
К Родине	14
Из Окна	14
Полынь и звезды	16
I	16
* * *	16
Святой Георгий	16
* * *	17
* * *	17
* * *	17
* * *	18
* * *	18
* * *	18
* * *	19
* * *	19
* * *	19
* * *	20
* * *	20
* * *	20
* * *	21
* * *	21
* * *	21
* * *	22
* * *	22
* * *	23
Святой Георгий	23
II	23
Лунное моление	23
У врат	24
Струги закатные	24
Криница светлая	25
Моление о чуде	26
Голгофа малых	26
Крест срединный	27
Поводырь всех скорбящих	28
* * *	29
* * *	29
III	29
* * *	29
Пути волчьи	30
Север	30

Святогор-скит	32
[Святогор-скит]	32
*	32
*	34
Звездной тропой	35
I	35
II	37
III	40
Полынь-город	42
*	42
*	42
*	43
Каменная любовь	45
* * *	45
Сердце Адама	45
* * *	45
* * *	46
* * *	47
* * *	47
Крови закон	48
Из песни о короле	48
* * *	49
* * *	49
* * *	50
Арго	50
* * *	50
* * *	51
Рыбацкая	51
* * *	52
Дух земли	52
* * *	53
* * *	53
Каменная любовь	54
Поздний гость	56
I	56
Плач Ярославны	56
Игорева полки	59
Берлин	61
* * *	61
Земля	61
* * *	62
Вечерняя звезда	62
* * *	63
Волхвы	64
Рюген	64
* * *	65
* * *	65
* * *	65
Тени под мостом	66

* * *	66
Бессонница	67
* * *	69
Пудель	69
* * *	70
* * *	70
* * *	71
* * *	71
* * *	72
* * *	72
* * *	73
Гость	73
* * *	74
* * *	75
Ночью	75
* * *	76
* * *	76
Венеция	77
Луна-парк	77
* * *	78
* * *	78
* * *	79
* * *	79
Сивилла	80
* * *	81
* * *	81
* * *	81
Стихи к Пушкину	82
Стихи о вдове[1]	85
Десятый круг	86
Париж	87
* * *	87
* * *	88
* * *	88
* * *	89
* * *	89
* * *	90
* * *	90
* * *	91
* * *	91
* * *	92
* * *	92
* * *	93
* * *	93
* * *	94
* * *	95
Трубочист	95
* * *	96
* * *	97

* * *	97
* * *	97
* * *	98
* * *	98
* * *	99
* * *	99
Вальс	100
* * *	101
* * *	101
* * *	102
* * *	102
* * *	103
* * *	104
* * *	104
Туман	105
Воздушный змей	106
* * *	106
Воздушный змей	107
* * *	108
Двойник	108
Очки	109
* * *	110
Фрегат	110
* * *	111
* * *	112
* * *	112
Сквозняк	113
* * *	113
* * *	114
* * *	114
Зеркальный мир	115
Опрокинул чернильницу	116
Ночные бабочки	116
* * *	117
* * *	117
* * *	118
* * *	118
* * *	119
* * *	119
Листья	120
Карусель	120
* * *	121
* * *	121
* * *	122
* * *	123
* * *	123
* * *	124
* * *	124
* * *	125

* * *	125
* * *	125
* * *	126
* * *	126
* * *	127
* * *	127
* * *	127
* * *	128
* * *	128
* * *	129
* * *	129
* * *	130
* * *	130
* * *	131
* * *	131
* * *	132
Трубачи	132
Пена	133
* * *	133
Розы на снегу	134
* * *	134
* * *	135
* * *	136
* * *	136
* * *	137
Вальс	137
Офелия	138
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Владимир Корвин-Пиотровский

Поздний гость

Стихотворения и поэмы

Редакционная коллегия серии:

Р. Берд (США),
Н. А. Богомолов (Россия),
И. Е. Будницкий (Россия),
Е. В. Витковский (Россия, *председатель*),
С. Гардзонио (Италия),
Г. Г. Глинка (США),
Т. М. Горяева (Россия),
А. Гришин (США),
О. А. Лекманов (Россия),
В. П. Нечаев (Россия),
В. А. Резвый (Россия),
А. Л. Соболев (Россия),
Р. Д. Тименчик (Израиль),
Л. М. Турчинский (Россия),
А. Б. Устинов (США),
Л. С. Флейшман (США)

Издательство искренне благодарит

Юрия Сергеевича Коржа и ***Алексея Геннадьевича Малофеева***

за поддержку настоящего издания

Составление, подготовка текста, послесловие, примечания:

Т. Венцлова

I. Лирика

Стихотворения

Осенняя мелодия

Ночь длинней, утро в тучи одето...
В небе меркнувшем стаи гусей
Проводили увядшее лето
Звонкотрубною песней своей.
Уж осыпались бледные клены,
Лес развенчанный дремлет во мгле;
Все задумчивей тихие звоны
Раздаются на ближнем селе.
Отсыревшие за ночь овины
Молчаливо грустят на заре...
Пожелтевшая ветка рябины
Замерла в голубом серебре.
Тянет взор в помутневшие дали
На простор обнаженных полей,
И забытые сердцем печали
Вновь проснулись, но только больней.

Зачарованные мгновения

Когда осенними ночами,
Устав от тщетной жажды сна,
Я воспаленными очами
Гляжу, как бьет в окно сосна;
Когда в неясном ожидании
Слух робко ловит листьев шум,
А грудь в предчувствии страданья
Теснит наплыв повторных дум;
Когда мгновенья застывают,
Как длинный ряд жемчужных слез,
И сердце больно цепь сжимает
Былых надежд и смятых грез, —
Тогда в мозгу моем усталом
Встают иные вечера,
И ранят грудь змеиным жалом
Следы ушедшего вчера...
Я помню: осенью глухою
Мы разошлись без слез, без слов,

И я не высказал с тоскою
Того, что выплакать готов.
И вот в молчаньи ожиданья
И в безысходности тоски
Я знаю, как родны страданья
О тех, кто страшно далеки.
Но все ж зачем такой прекрасной,
Такой возвышенной мечте
Даны в удел лишь плач безгласный
И скорбь в житейской суете?

Одиночество

Ветер тучи нагоняет,
Мелкий дождик без конца...
Гнется чахлая березка
У поросшего крыльца.
Мокрый пес дрожит от стужи,
Цепь тяжелая визжит;
Желтый лист с дерев слетает
И по воздуху кружит.
Я в аллее почерневшей
Целый день брожу один;
Вид уныл: забор подгнивший
Да заброшенный овин.
Скучно, скучно в день осенний
Слушать ветра тихий стон
Да соседней деревеньки
Колокольный перезвон.
Дома пусто, неуютно,
Затуманено окно
И дымит камин осевший,
Не топившийся давно.
Зябнут руки, ноги стынут,
Книга валится из рук...
Писк мышей в подполье слышен
Да намокшей ставни стук.
Целый вечер ждешь тревожно
Звука ржавого петель
И ложишься без желанья
Спать в холодную постель.
Но не спится; чутким ухом
Ловишь жалобу дождя
И дрожишь при вое ветра,
Как пугливое дитя.
Никого... Быть может, завтра
Друг проведает меня...

И тревожно засыпаешь
До тоскующего дня.

Русская песня

По долам, по холмам, по дремучим лесам
Льется русская песня широкая,
То, как смех, прозвенит разливным серебром,
То заплачет, как выюга далекая.
Не в богатых чертогах родилась она,
В вихре пламенном шумного пира,
И не пелась она ни в роскошных дворцах,
Ни средь пышного блеска турнира.
Трубадур молодой в благовонных кудрях
Не знавал этой песни могучей,
Этой песни, что буйным весельем кипит
Что тоскует тяжелою тучей.
В этой песне поется про вольный простор,
Про любовь да про горькую долю;
Ветер песню подслушал и в поле унес
И развеял по чистому полю.
А слагалась она среди темных дубрав,
Среди нив золотых бесконечных,
Среди снежных степей, под небесным шатром,
Да у рек голубых быстротечных.
Этой песней баюкала ночью дитя,
Наклонившись над пряжей, родная;
Буря жалобно выла в осенней ночи,
Моноotonно напев повторяя.
С этой песней стучали в лесах топоры,
Серпы искрились, косы звенели;
Эту песню, сражаясь с могучим врагом,
В час последний бестрепетно пели.
Умирали певцы; под травой-ковылем
Отдыхают их кости от боя,
Но жива наша песня и крепнет она
Средь могил и степного покоя...
Да и было что петь нашей песне родной!
Степь без края от моря до моря,
Где орлам лишь летать, буйным ветрам шуметь,
Звонким выюгам гулять на просторе!
Небеса голубые, поля да леса,
Многоводные реки да нивы, —
А у рек над водой тихо вербы шумят
И тоскуют плакучие ивы...
Оттого-то тоска в нашей песне родной
Бесконечна, как синее море,

Оттого-то и смех в ней и радость звенит
И печалится горькое горе.
Оттого-то могучи так звуки ее
И задумчивей ночи осенней;
Льются плачем они, серебром разливным,
Соловиною трелью весенней.

К Родине

Никогда не увижу родных я полей,
Не увижу, как нива под ветром бежит,
Не увижу свободных раздольных степей,
Не услышу, как песня звенит
Над рекою уснувшей, как волны шумят,
Как рыдает певец соловей...
Не увижу я больше отчизны своей,
Не вернусь никогда я назад.
Опустеет мой дом, и плющом зарастет,
Развалившись, осыпавшись, свод.
Будет ждать меня долго на ржавой цепи
Верный пес, мой покинутый друг;
Ветерок пронесет по безбрежной степи
Вздых последний затаенных мук,
Что из губ побелевших средь пасмурных грез
При прощанье последнем неожиданно слетел...
Да, я помню, о счастье когда-то здесь пел
Соловей, задыхаясь от слез.
А теперь так все пусто, уныло кругом,
Всюду холод, забвение, сон.
Но довольно! Вперед, на чужой стороне,
Под покровом печальных полей,
Суждено навсегда успокоиться мне,
Отдохнуть от кручины своей.
Надо мною холодное небо шатер
Бесконечный свой бросит, туманная даль
Обоймет все кругом, холодна, как печаль,
И закроет вершины далекие гор.
Облака, что на родину быстро плывут,
Будут знать, где нашел я приют.

Из Окна

Сквозь жемчужные узоры
Мерзлого окна
Степь широкая, как море,

Далеко видна.
Между белыми буграми
В голубой дали
Светло-синими коврами
Тени залегли.
И, серебряной волною
Выткав неба свод,
Месяц яркий над землею
Медленно плывет.

Полынь и звезды

Елизавете Борисовне Маковской

I

* * *

Я променял уют надежной кровли
И молодой, облитый цветом сад
На невода бесплодной звездной ловли,
На синий дым, кадящий в звездопад.
Пути мои неслышны и незримы,
Полынь и терн их густо оплели.
И шествуют немые серафимы
Вослед за мной туманами земли.
Быть может, там, за дальнею горою,
Еще цветут безветренные дни
И белый дом, овеянный зарею,
Струит в закат прощальные огни.
Я все отдал за звездную пустыню,
За тень крыла, за отзвуки шагов;
Я пью вино, пронзенное полынью,
И горький мед безводных берегов.

Святой Георгий

Святой Георгий! Лунный щит,
Молочно-белый конь из выюги...
Мороза радужные дуги
Цветут на лилиях ланит.
Святой Георгий! Реют хлопья,
Трепещут крыльями у плеч...
Звонящий ветер точит меч
О среброкованные копья.
Святой Георгий сходит с гор;
В долине яблонь веет медом,
И белый год летит за годом
В холодно-радужный простор.
Дымятся вынутые соты,
Пылают свечи дольных дней...
Чтоб стало пламя холодней —
Я трону воск копьем заботы.
Когда же в зреющем саду

Нальются яблоки тоскою —
Я вновь к нагорному покою,
К вершинам снежным отойду.

* * *

Я сжег себя на медленных кострах,
Отдал себя всем ветрам и дорогам
И по полю развеял серый прах
Души моей, взыскующей о многом.
Уста мои сдружились с немотой,
И насмерть слух молчаньем черным ранен;
Луна взойдет над древней пустотой —
Мне зов ее понятен и желанен.
В дыхании размеренных Часов
Один закон, заложенный судьбою:
– Ни чисел нет, ни меры, ни весов,
И все дела – развеются с тобою.

* * *

Сушит губы соленая мгла;
Я тебя провожу до порога;
Знаю – будет, как смерть, тяжела
Предстоящая утром дорога.
Ты нескоро вернешься домой;
Твой корабль осужден на скитанья, —
Посмотри, кто стоит за кормой,
Чье над парусом веет дыханье.
Посмотри, чье струится крыло
Над разорванной пеной прибоя,
Как темно и недвижно чело
У того, кто идет за тобою.

* * *

Ты живешь в омраченной долине
У широкой и темной реки;
Я покорно пришел к тебе ныне
В неживые немые пески.
Я пришел отдаленной дорогой —
Через степи, моря и костры,
Чтоб склониться на берег отлогий
И принять огневые дары.

Я молчанья морей не нарушу,
Проглочу исступленный свой крик...
О, зажги мою слабую душу,
Мой бессильный и робкий язык!

* * *

Вновь в мою неприбранную келью
Ты вошел, суровый серафим;
Из гранита высечена челюсть,
Меж бровей клубится серый дым.
Веет ветер от неподвижных крылий,
Меч времен в опущенной руке,
Мертвый нимб из раскаленной пыли
И печать пространств на языке.
Погоди. В развернутый свой свиток
В скорбный час меня не заноси;
Дай допить отравленный напиток,
Дай мне ржавой горечи вкусить.
Пусть заката пламенные змеи
Мне изложут сердце до конца;
В этот час коснуться я не смею
Твоего гранитного лица.

* * *

Дышу сухим песком пустыни,
Бреду за тяжкою арбой
Вослед неведомых мне скиний
Путем, указанным Тобой.
Лижу запекшиеся губы
Концом кровавым языка
И слышу скрип, и окрик грубый,
И шаг медлительный быка.
Я изнемог, но не отстану,
Жестокий полдень претерплю,
Или посыплю солью рану
И жажду кровью утолю.

* * *

Через пропасти – к горным вершинам,
К снеговой непорочной заре!
На вознесшейся в небо горе

Обвенчайся с Женою и Сыном.
Если слабое сердце боится
Ледяных осиянных мечей, —
Окуни его в холод криницы,
В звонкоплещущий горный ручей.
И, одевшись в нетленные ткани,
Позабудь о тернистой земле,
Где неведомый путник по мгле
Простирает пронзенные длани.

* * *

Ты хотел. Я лишь вызрел на ниве
Оброненных тобою семян;
Лишь стрела на звенящей тетиве —
Я твоими хотеньями рьян.
Не суди, не меняй же уклона
Предрешенных в начале путей, —
Я в ряду твоих бедных детей —
Всех послушней велению закона.

* * *

Я не знаю любви, я любви не хочу;
Я один на вершине, средь мрака,
Подставляю чело ледяному мечу
Надо мной заплывшего Знака.
Что мне в женских устах и приветной руке,
В дальних радостях звонкой долины?
Я во льдах причащаюсь Великой Тоске,
Вознесенный, Забытый, Единый.
Мое сердце, как чаша, до края полно;
Не пронзайте ж мне сердца любовью, —
Иль отгадет оно, или дрогнет оно
И зальет вас дымящейся кровью.

* * *

Как-то свеж, но по-новому горек
Этот ветер, развеявший день,
Будто горечь любовную пролил
В золотую октябрьскую тлень.
Будто брызнул мучительным ядом
В затуманенный лик тишины, —

Иль то плачет растерзанный дьявол,
Оседлавший обрывок луны?
Этот ветер! Душа моя стынет, —
Я, быть может, лишь призрак давно...
Я отравлен напитком полынным,
Что любовь подмешала в вино.

* * *

На тебе снеговую парчу
Изукрасили лунные тени;
Как-нибудь доплыву, долечу,
Как-нибудь доползу на коленях.
Ты меня не кляни, не гони,
Огляди мою тяжкую ношу, —
Все безмолвно к ногам твоим сброшу —
Ночи, утра и пьяные дни.

* * *

Вижу в блеске далекой зарницы
Довершенного странствия цель;
Обожженное тело томится —
Жестока огневая купель.
Скоро ризы багровые скину
И, разжав облегченно ладонь,
Свое дымное сердце закину
Навсегда в твой холодный огонь.

* * *

Есть такая Голубая долина,
Ласковая, как слово — мама;
Это в ней Господь нашел глину
Для сотворенья Адама.
Я не знаю, как она зовется —
Может быть, любовью или смертью,
Только нигде так сердце не бьется,
Как под ее голубой твердью.
И когда мне приснятся рябины,
Что видел я дома когда-то,
То значит — брат из Голубой долины
Пожалел своего земного брата.
И если сон подарит меня словом,

Что слышал я в колыбели,
То значит – под светлым кровом
В той долине его пропели.

* * *

И вновь приду к тебе небитыми путями
Степей раскиданных, нерубленных лесов
И вновь подслушаю вещанье голосов
Ветров, играющих с отцовскими костями.
Пойду в углы твои. Растению и зверю,
И камню каждому снесу печаль свою,
И вновь, о, Родина! в твой дальний скит поверю,
И в ключ живой воды, и в мертвую струю.

* * *

На запад солнца иду в пустыне,
Закатной ризой мой путь одет;
Благословен ты всегда и ныне,
Благословен ты, Вечерний свет.
К тебе я жертвой иду вечерней,
Душа молитвой опалена, —
Даруй мне розы кровавых терний,
Дозволь печали испить до дна.
На месте казни еще так много
Не освященных страданьем мест, —
О, если б рядом с распятым Богом
Собой заполнить вселенский крест!
Но в час последний, но в час заката,
Когда полнеба сгорит в огне,
Пронзи мне сердце мечом возврата
И дай на землю вернуться мне.
Чтоб с новой скорбью в пески пустыни
На опустевшей твоей земле
Я мог смиренно, всегда, как ныне,
За тихим светом идти во мгле.

* * *

Быть может, мне завещаны печали,
Быть может, мне завещаны грехи, —
Зарю мою так горестно встречали
Под окнами чужие петухи.

Быть может, мне завещаны деянья, —
Я помню ночь в грохочущем огне,
И странное жестокое сиянье,
И всадника на облачном коне.
Быть может, я – лишь вестник чьей-то воли,
Лишь отзвуком рожденный перезвон,
Лишь пыль в луче, лишь терпкие мозоли
На длани, сеющей Его закон.
Не знаю я. Но, может быть, недаром
Пути мои запутались в дыму,
И жизнь моя отмечена пожаром,
И мысль моя возносится к Нему.

* * *

Тебя я видел, но не помню,
Быть может, ты – мой первый сон, —
Но я в твою каменоломню
Принес ославленный мой звон.
Быть может, горные громады
Ответят эхом на слова,
И к новым песням водопада
Твоя склонится синева.
И станет правдой сон долины, —
Восстанешь молнией в горах
И жизнь вдохнешь в сосуд из глины
Иль сокрушишь его во прах.

* * *

Я не верю, не верю, не верю!
Ты не хочешь, не можешь помочь, —
Ты смеешься за огненной дверью
Над ушедшими в снежную ночь.
Ты изверился в собственной власти
Управлять мировым кораблем, —
Ветры рвут оголенные снасти,
Правят бездны разбитым рулем.
И зачем ты слепишь мои очи
Ледяными мечами зарниц?
Есть в пространствах дороги короче,
Чем дороги твоих колесниц.
Я не верю, не верю, не верю!
Пусть я в бездне седой потону,
Но пылающим сердцем измеряю
Ледяную ее глубину.

* * *

Ты летишь к неживому созвездию,
Где клубится предельная мгла, —
И вызывает архангельской медью
Каждый взмах ледяного крыла.
И повсюду, где вздетые руки
Призывают покой на миры,
Ты роняешь холодные звуки
Равнодушной последней игры...
Труби, труби! Ответные звучанья
Мой черный плащ взметнули и сожгли...
Труби, труби! Я плачу от молчанья
Моей глухонемой земли.

Святой Георгий

Вьюжной ночью, в вихре оргий,
Сердце выкупав в вине,
Взметом ввысь святой Георгий —
Я – взвиваюсь на коне.
Вольным летом конь крылатый
Будит волны Бытия,
А метель мне режет латы
Блеском лунного копья.
Словно искрой, кровью алой
Опален мой путь во мгле,
И от крови цветик малый
Прорастает на земле.
И из звезд, что вылетают
Под ударом конских ног,
Чьи-то руки мне сплетают,
Как из терния, венок.
Я спешу к вечерне звездной,
Догоняю горний звон, —
А за мною путь морозный
Жаркой кровью окроплен.

II

Лунное моление

В небе заиграли лунные гусли,
Засветилась, как новая колокольная вышка;
Вышел послушать луну суслик,
Выбежала посмотреть на свет мышка.
Смотрят и молчат. Молятся, как умеют —
Богу ль, луне или темной норке,
Или тем уголькам, что тлеют
Не то в небе, не то на пригорке.
Стали пусты совсем закрома и клетки,
Только ночью, вверху, рассыпаются зерна, —
Не подашь ли ты их, Тихий Свете,
Тем, кто смотрит и ждет так покорно?
А если чем они и согрели —
Прости их, неразумных и малых,
За то, что нашли тебя в звездной пыли,
И в луне, и в угольках алых.

У врат

Гряди. Закончено. Прими Голгофу снова.
Невеста скорбная восстала ото сна.
Дорога в терниях, — но нет пути иного,
В сосуде кровь твоя — испей ее до дна.
Вино отпенилось. Пшеница перезрела.
Последний гвоздь забит прилежною рукой.
Багровые облака. В полях царит покой.
Кресты позорные ждут мук твоих и тела.
Готово. В утренних туманах до рассвета
Перекликаются протяжно петухи.
Цветут шиповники. Свершается. И где-то
Уже предчувствием объаты пастухи.

Струги закатные

Вздыхают коровы, думают думу коровью,
В светлой печали молят о Божьем чуде, —
А в небе солнце истекает кровью,
Как отрубленная голова на голубом блюде.
Словно ласковые цветы, столпились овечки
Под мягкой грудью придорожной кручи,
А в вечернем небе тонкие свечки
Подпалили края у белоснежной тучи.
Ах ты, край мой родной, родина моя Россия,
Юродивая странница на стародревнем погосте,
Уж придет он к тебе, хоть во сне, твой Мессия,
Приголубит твои наболевшие кости.

Поклонится он живой твоей ране,
И расцветут просинью и багрянцем степи,
Изойдут колокольным звоном, а в тумане
Задрожат звезд золотые цепи.
Истомили тебя перелетные вьюги,
Исекли твое сердце до крови снегами,
А теперь из закатов Господние струги
Выплывают, плывут облаком над лугами.
Все ярче у небесных петухов позолота,
Все шире разлегается звездная дорога, —
То, раскрываясь настежь, солнечные ворота
Выпускают к тебе на землю Бога.
А когда б и погасли над лесом сполохи
Недорезанной предзакатной птицы, —
На тех стругах доплывут до Христа твои вздохи,
И самому Христу Русь приснится.
Тогда сойдет Иисус с престола заревого,
Тихонько придет на стародавнее кладбище
И, чтоб не лишить тебя последнего крова,
Станет таким же, как и ты, нищим.
Рядом с тобою, в темном притворе
Кладбищенской церкви будет долго молиться,
И простится тебе многое за твое горе,
А за грехи твои – и все простится.

Криница светлая

Есть там, на перекрестке, светлая криница,
Полная до сруба ключевой воды;
Я пойду к ней ночью, когда не спится,
Когда куются помыслы из лунной руды.
Сяду там под ветлами, что склонились низко,
Припадают головами до самой земли,
А над ними широкая синяя миска,
А в ней плавают звезды, как золотые корабли.
Я не знаю, говорил мне когда-то кто-то,
Что у такой же криницы ты явился вдове, —
Буду ждать, пока в небе не взойдет позолота
И роса не рассыплется бисером по траве.
Буду ждать, пока белые предутренние гуси
Не выбегут облаком на небесный луг;
Ты придешь ли ко мне, кроткий мой Иисусе,
На заре напиться из моих рук?
Ты приди ко мне странником, пастухом убогим,
С порванной котомкой на согнутой спине, —
Я омою слезами твои изрезанные ноги,
Буду охранять тебя в твоём светлом сне.

Заготовлю лучшие, самые душистые соты,
Выпрошу у соседей сладкого вина,
Приму, как утешение, тяготы и заботы —
Вся душа моя, Кроткий, тебе видна.
Я сижу на перекрестке у светлой криницы,
Меж ключей купается луна на дне,
По краям плещутся звездные плетеницы,
А там Иисус плывет в голубом челне.
На голове у него белые ромашки,
Ласковый привет цветет на розах губ, —
Да не дотянусь до его лунной рубашки
Через осклизлый криничный сруб.

Моление о чуде

Знаю, мой Кроткий, в глубинах сосуда
Кровь твоя зреет в венки алый,
Но земля истомленная просит чуда
И в твою тайну верить устала.
Устала падать в черные пустоты,
Внимать одиноко звездному безмолвью
И бросать свои зовы извечные: «Кто ты,
Напоивший меня вместо вина кровью?»
Ты прости меня, Светлый, но это уж было,
Это чудом давно уже быть перестало —
Бег планеты, и погибших миров могилы,
И ожерелья из солнечного коралла.
И звездные кресты на синем своде,
Символы твоего распятия земного, —
Разве ты не видишь, что радость на исходе,
Что твои дети ждут иного?
Ждут ясного конца и простого начала,
Предугаданных дорог, видного кругозора,
Верного челна, испытанного причала
И чтоб обещанное свершилось скоро.
И чтоб не было загадок во всем твоём чертоге,
И ни намека, что где-то, за небом,
Плачет Бессмертье об ушедшем Боге
И о голубой тайне, что стала хлебом.

Голгофа малых

Как же мне не скорбеть, Господи, как же не плакать,
Что это делается на белом свете?
На дворе такой холод и такая сырая слякоть,
А там, на перекрестках, умирают дети.

Ты посмотри на них, на этих белоголовых,
С раскрытым взглядом и оцелованными волосами, —
Не ими ль ты тешился в земных своих ловах,
Не их ли усмешками и голосами?
На горнем небе такие чистые сполохи —
А тут, по канавам и полевым ухабам,
Алыми каплями расцветают чертополохи
И кланяются в ноги простоволосым бабам.
А те, безголосые, слушают, как большой овод
Звенит где-то над ухом про какое-то дело,
И глядят, как облупленный мокрой глиной обод
Перекачивается через маленькое неживое тело.
И добро б еще были они мученики или пророки,
Или какие разбойники – а то просто пташки,
Ласковые цветики, говорливые сороки,
Приодетые в материнские заплатанные рубашки.
Даже и не знают, что навсегда уходят
От журавлей и свистулек и грачиного крика;
В предсмертных сумерках все еще котята бродят
И выглядывает заяц из-за смертного лика.
Как же мне не скорбеть, Господи, как же не плакать?
Распинают малых сих на сухой ржаной корке,
А они отдавали всю хлебную мякоть
Воробьиным стаям и мышьиной норке.
Или это голгофа, каких еще не бывало,
Или ты создал все эти муки
Оттого, что своей уже недоставало,
Чтоб оправдать твои пригвожденные руки?
Иль, умирая с каждой этой смертью,
Ты и воскреснешь уже по-иному
И не закроешься больше звездной твердью
От цветов, расцветивших земную солому?

Крест срединный

Я распял твое покорное детское тело
На высоком и не по росту большом кресте
И не видел снизу, как роза зрела
На пронзенном моим копьем животе.
И не расслышал я, что перед смертью шептали
Твои искривленные от боли уста;
А по бокам, в темноте, как цветы трепетали
Два пригвожденных кем-то Христа.
Я не видел, как опускались и подымались ресницы
Не по-детски прощающих твоих глаз, —
Только помню, в тучах грозные зарницы
Расписали кровью небесный иконостас.

И один пригвожденный говорил другому:
«Тоскует дух мой, я изнемог»...
Расплясавшийся ветер подбирал солому,
Разворачивал одинокий далекий стог.
По земле пробирались густые тени,
Пугливо прижимались к высоким крестам,
Целовали перебитые бессильные колени
И отбегали к черным кустам.
И другой пригвожденный говорил с верой:
«В день твоей славы нас не забудь,
Не отмеривай тою же мерой,
Ты, не познавшая молока грудь!»
И когда я дождался лунного диска,
Сквозь поредевший расплесканный мрак
На два мертвых тела, обвисших низко,
С высоты глядел остеклевший зрак.

Поводырь всех скорбящих

Пречистая Матерь выходит встречать Сына;
Синие тропы расцветают золотым песком;
Тихоокий серафим из небесного кувшина
Заливает вечерние зори звездным молоком.
Над самой головою в измарагдовой чашке
Заулыбались, затрепетали голубые васильки,
Облака приоделись в чистые рубашки,
Набросали на пригорок розовые венки.
Я пойду к пресвятой Деве по звездному раздорожью,
Туда, где проглянул серебряный двурог,
Вызову тихонько светлую Матерь Божью
Из райского терема к себе, за порог.
Выйдет ко мне радостная и загадает вначале:
«Что ты здесь печалишься, грешная душа?
Выпей из моей чаши Утоления Печали», —
А я стану на колени и не приму ковша.
Посмотрит Владычица на меня с укором,
Засмутнеют жемчуги на вышивках ее риз;
Заплачу тихонько перед благостным взором,
Заплачу и укажу ей на землю, вниз.
Упрошу ее выглянуть за облачные подушки,
Покажу каменистый, поросший тернием край, —
А там, по бездорожью, бродит, шарит старушка,
Ищет ощупью двери в заповедный рай.
Для слепой не засветит Господнее солнце,
Не порадует старую Христову заря,
Так все и ходит от оконца к оконцу
Одна, без провожатого, без поводыря.

«Пресвятая Богородица, – проговорю я с плачем: —
Ты дозвожь мне запреты Господние сломать,
Ты дозвожь мне сбегать за кем-нибудь зрячим,
Чтоб проводил на небо мою убогую мать».
Затоскует тут Печальница и побежит шибко,
Повстречает, проводит странницу Москву...
А в небесных лугах заиграет лунная скрипка,
И серафим тихоокий преклонит главу.

* * *

Скучно смотреть, как дождь
Моем заржавленные крыши;
Хмурится в клетке дрозд,
За печкой скребутся мыши...
Забралась с куклой в угол;
Заплетаем ей косичку,
Рассказывает про огородных пугал,
Про волка и про лисичку.
Заснула. У куклы глаза открыты, —
Не кукла, а такой ребенок...
Осенний дождик сеет, как сквозь сито,
Под желтым листом мокнет опенок.
Спит маленькая Божья Матерь
С розовой девочкой – Иисусом...
Вылез таракан на скатерть,
Подумал – и перекрестился усом.

* * *

Быть может, есть заветные границы,
Где скорби тень – чем гуще, тем светлей,
Где плевелы становятся пшеницей,
Где вал морской не топик кораблей.
Быть может, есть бездонные глубины,
Где радостью страданье расцветет,
Где все, что здесь, – лишь крылья голубины
Для тех, кто в ночь зовущую идет.

III

* * *

В поле водном месячный серп
Жнет и топит созвездий злаки;
В этот час печалится зверь
В недобитой душе собаки.
Мне не жаль крылатых потерь,
Я крылом не взмахну отныне —
Не орел, а раненый вепрь,
Я хочу умереть в долине.

Пути волчьи

Раздирает шаги гололедица;
Словно вымерла пушная тварь...
Помоги мне, святая Медведица,
Одолеть крутозубый январь.
Семь ночей моя серая молится
Богородице звездных полей, —
Допусти нас небесной околицей
К берегам, где шумит Водолей.
Волчьим ранам, скитаньям и голоду
На земле не наступит конца;
Пожалеешь ли алчущим смолоду
Златорунного мяса Тельца?
По степному уделу – обычаю,
Чтя великий закон вожака,
Мы попотчует свежей добычею
И тебя, и святого щенка.
А натешившись вволю вечерю,
Соберем окровавленный мех
И распустим в метелицу серую
Для волчих, для волчат и для всех.
Чтобы видели все бездорожные
В дымном трепете утренних зорь,
Как идет на пути зарубежные
Искалеченный выюгами вор.

Север

От мухоморов, от морошки
К реке плывет дурманный дух;
В рассветном небе гаснут площадки
И трепыхает злат-петух.
Спустила цепкую сорочку,
Примяла тяжко росный мох
И, дрогнув, вывернула кочку
Косым разметом крепких ног.

Сентябрь. Пора медвежьей свадьбы.
Проскачет вспугнутый олень.
О чем на счастье загадать бы,
Да чем прогнать тугую лень?
Вода боков не расхолодит,
Лишь смочит рыжую косу...
Сегодня, видно, Одурь бродит
В сторожке гукнувшем лесу.

Святогор-скит

[Святогор-скит]

Было то у Миколы-на-Проруби
В вечер синь, на сочельном посту;
Прилетели три белые голубя
И уселись рядком на мосту.
Говорит один: «слушайте, братие,
Наступает предсказанный час:
Ныне в ночь довершает зачатие,
Ныне в ночь дорожается Спас.
Не забудем же встретить желанного,
Принесем, заготовим дары:
Да возжгутся во имя избранного
По ярам, по дорогам костры;
Чтоб погрелися косточки битые
На веселом гудящем дыму,
Чтоб потешились, кровью облитые,
В костряном жаровом терему».
И другой говорит: «ты припомни-ка,
Не любил ли он трав и цветов?
Так поищем же, брат мой, терновника, —
Под снегами немало кустов.
Летом ало цвели тут репейники —
Расклюем, рассугробим снега;
Нам помогут святые келейники
Иль какой монастырский слуга».
И сказал тогда третий, вздыхаячи:
«Заготовим родному и крест —
Веселится он, казнь вспоминаячи,
Полетим да поищем окрест».
Улетели три белые голубя,
Говорят да поют на лету...
Было то у Миколы-на-Проруби
В вечер синь, на сочельном посту.

*

Шли, спешили дорогой прохожие
К той ли Проруби, в скит Святогор,
Два святые угодники Божие —
Сам Микола да воин Егор.
У Миколы сосульки всю бороду

Заковали в узор ледяной,
А Егорий, что яблоко с холода,
От мороза румяный, хмельной.
Из далекого странствия долгого,
Армяком заметая снега,
Исходили всю землю, от Волхова
До озер, где глядится тайга.
Порыбачили лето на севере,
Обновили сруба на Оке,
Погрозили сердитому деверю
На слободке в Великой Луке.
Исполняя заветы Господние,
Крыли тесом, строгали и жгли;
По Уфе, где река мелководнее,
С мужиком захмелевшим плыли.
Много сделали руки умелые,
Ворочаться пора в Святогор;
А навстречу им голуби белые
Пролетают, ведут разговор.
Как услышал Егорий воинственный —
Возгорелся в груди его гнев...
А над зорями вечер таинственный
Довершал многозвездный посев.
А под зорями, ризами снежными,
Как парчой голубой, убрана,
Источалась сияньями нежными
Неоглядная та сторона.
Да курился, кудрявее ладана,
На восковых сугробах закат,
Закровавив нежданно-негаданно
Вежи скитских трехъярусных врат.
«Да не быть по сему, неразумные!» —
Звонко воин Егор возопил,
И в ответ ему отклики шумные
С плачем встали из снежных могил.
«Для того ль мы ту землю лелеяли,
Распахали с трудом целину,
Чтоб Сыновние кости засеяли
Восприявшую Духа страну?
Для чего, по какому писанию
Вы тельца обрекаете вновь?
Для разбойного ли целования
Предаете Сыновнюю кровь?»
Отцветали на вежах цветения
Копьеносной вечерней зари;
И взыграли от व्यюжного пения
На церквах голоса — звонари...

*

Отзывается с ласкою в голосе
Всех-Заступник, суровый с лица:
«Ой, Егор, не о каждом ли волосе
Попечение Духа-Отца?
Не греши: схорони же ненужное
Ты свое золотое копье...
Эк гульнуло смятение выюжное,
Ни за что перемерзнет зверье!»
И повышли тут волки бездомные,
На слова те, из дебрей-лесов;
Собирались рати огромные
Худошерстных заморенных псов.
С перебитыми лапами гнойными,
Без ушей, голоса и скуля,
Выходили рядами нестройными
Из вертепов к скиту на поля.
Притащилась телушка безрогая,
Обомшелый невидящий кот,
Вол-печальник, овечка убогая —
Всякий Божий обиженный скот.
Загорелись зелеными свечками
В помутнелых просторах зрачки,
И двумя золотыми колечками
Над святыми сплелись светляки.
В тьму ночную, в метелицу серую,
По бокам, впереди, позади,
Покатилось: «о, Господи, верую,
Пожалей, отпусти и гряди!
Укажи нам дорогу спасения —
Что ни шаг, то тяжеле наш путь; В светлый час торжества
воскресения
Не покинь свою тварь, не забудь.
И не бойся земного страдания:
В день великий венца и креста
Мы омоем слезами рыдания
Распаленные жаждой уста.
Мы повынем колючки терновые,
Чисто вылижем стрелы заноз
И могилы голгофские новые
Оплетем благовонием роз.
Выходи же – дождями кровавыми
Разгуляйся в засушные дни;
Стужу зимнюю, темень – забавами
Звонкогудых пожарищ пугни».
Приутихла тут вьюга-метелица;

Светел месяц окно прорубал,
Звезды по небу тропами стелются;
Божий воин Егор замолчал.
И неслышному зову внимаючи,
Примечая невидимый свет,
Отвечал им Микола, рыдаючи:
«Верьте, детушки, верьте: грядет!
Ибо нету такого моления,
Нет такого страданья и зла,
Для которых бы кровь искупления
Из Иисусовых ран не текла».
И сказал, обращаясь к Воителю:
«Ой, сдается мне что-то, Егор,
Что мы рано взалкали обители, —
Не пора нам, сынок, в Святогор.
Нерадивые мы огородники:
Кто досмотрит без нас огород?»...
И свернули святые угодники,
Удалились от скитских ворот.
Воротились, гонимые вьюгою,
В те края, к тем ли Божьим углам,
Где поникли леса над Ветлугою,
Где в тумане почил Валаам.
В край, где хмурятся избы горелые,
Да вразброд голоса петухи,
Да летают три голубя белые,
Отпуская заране грехи.

Звездной тропой Распятие, Воскресение, Вознесение

Всякая жертва солью осолится.
Марк IX, 49

I

О, мои сестры,
Глядите,
Как оскалились остро
Холодные копья!
Идите, идите,
Заполняйте собою вертепы и площади...
Уже падают снежные хлопья
С раскаленного неба;
Затрепетала земля, не смея заплакать от боли
По тебе, Господи!

Никнут в поле
Колосья ненужного хлеба.
Сестры мои!
Идите в притоны,
Разбросайте свое целомудрие
По грязным канавам:
Разве можно принять
Те стоны?
Отдайтесь греховным забавам
И разврату,
Продавайте себя отцу и брату
Примите бремя кровосмешения
И навсегда позабудьте дорогу
К обетованному.
Разве посмеете вы покупать спасение
Смертью Бога?
Откажитесь же от воскресения,
От чуда,
И, чтоб не свершить горшего преступления,
Погрузитесь в зловоние блуда.
И чем страшнее будет ваша жертва,
Чем безутешнее будут ваши страдания, —
Тем скорее он встанет из мертвых,
Чтоб освятить ваши поругания,
Чтоб вознесть ваш добровольный отказ
К самому сердцу престола.
И скажет он:
«Се – Аз,
И се – мои раны,
Мой стон.
Возлюбили меня больше спасения, —
Как оставлю их в их печали?»
Братья мои!
Что предсмертные взоры его тревожите
Верою?
Воздайте ему тою же мерою:
Распинайтесь, как можете —
Сердцем, телом, душою и холодом стали.
Выньте свои мечи
И стрелы;
Разите своих детей,
Матерей,
Отыщите пределы
Последних страстей...
Уже меркнут лучи над его головою,
Глубже впиваются тернии;
Сгущаются тени вечерние,
И средь звериного воя
Опускается ночь...

Бойтесь, чтобы кресты не остались пустыми!
О, отчего среди вас
Посмел
Лишь один быть Иудой?
О, отчего из бесчисленных тел
Только одно приютила смоковница,
А прочие – ждут чуда?
Да! Исполнится!
Он воскреснет, придет для Фомы,
И принесет убоявшимся тьмы
Свет, —
И земля не ослепнет от горя, не станет немой от стыда,
Нет!
Вы пойдете за светлую тенью
Туда,
Где ни печали, ни тленья;
Вы обретете свой смех
И будете радостно петь, что души вашей грех не коснулся,
Ужас и грех!..
Тише!
Он, кажется, снова проснулся;
Он еще жив...
Тише... Он смотрит, как плачут в колосьях маленькие мыши...
Тише! Он слушает шорох вздыхающих нив...
Тише, о, тише! Он умер.

II

Мария, Мария,
Раскаявшаяся блудница,
Перестань рыдать, биться о камень головою.
Иди, возвести его мать,
Что в смертельной тоске томится,
Иди, возвести, что воскреснет Мессия.
Возвести,
Что от розовой кашки,
От колокольцев лиловых,
От смешливого хмеля и ласкового повоя
Заблагоухали пути,
Как райские тропы.
Распусти свои светлые косы
Вдоль белой рубашки;
Из молоденьких веток сосновых
Сплети
Вечно зеленый венок,
Что никогда не увянет.
Принеси полевые цветы

И травы
И сложи их у стареньких ног
Той, чей сын осужден за преступление Варравы.
Отойди от могильной плиты,
Не мешай воскресенью.
И не предавай проклятию
Ты, неутешная,
Того, кто помог свершиться распятию,
А потому и воскресению, —
Разве можешь ты знать все пути к спасению
И все тайны безгрешного?
И не тебя ли,
Кого звали блудницей и прелестницей,
Кого человеческие похоти
Трижды распяли
На всех перекрестках,
Избрал он радостной вестницей?
И не ты ли,
В чье лоно стекалось потоком
Для непотребства и смерти
Семя, таящее плоти возможных святых и пророков,
Ныне – устами, закаленными в горниле пороков,
Целуешь края небесной тверди?
Не тебя ли омыли
Слезы его смертного плача?
А теперь ты стала его невестой,
Самой прекрасной
И девственной,
И им воскресла.
О, скольких мужей и любовников
Обнаженных
Качали твои голые чресла?
А он знал ложе только из терновников
И поцелуи
Одних прокаженных.
Приготовься петь аллилуйя,
Закажи колокольные звоны,
Заготовь песни,
Слова
И амвоны
И радость святого «воскресни!»
И никого не кляни
В эти
Миги,
Потому что они
Все его дети,
И нужны, да, нужны кресты и вериги.
И к чему
Девственность чистых,

Если ему
Не пожертвуют ею?
И к чему вся Галилея,
Если б он был не нужен?
Палач и жертва —
Два конца одного начертанья,
И как бы воскрес он из мертвых,
Если б не было
Самого умиранья
И смерти?
Не дерзай, не дерзай, о, Мария!
Быть свидетельницей
Чуда;
Пусть довершит один Мессия
То, что свершил Иуда
По его повеленью.
О, скорее, скорее!
Подымайся,
Не медли:
Уже светятся раны
Назорея,
И земля приготовилась крикнуть осанну.
Мария, Мария,
Раскаявшаяся блудница,
Разве ты не видишь,
Что готова раскрыться гробница,
Что развязались петли
На саване?
Вот уже светлые тени пришли,
Стали у входа;
Скоро все корабли
Соберутся в заветные гавани,
И небо закровавится кровью восхода,
И задрожат все складки земли.
Оботри же свое лицо,
Надень лучшие одежды,
Заготовь пасхальное яйцо,
Ибо готовы
Разомкнуться его вежды
И дать миру свет новый.
Иди же, скажи
Всем плачущим, скорбным и ждущим:
«Братья,
Верьте!»
И научи их точить ножи
Во имя грядущих.
Но поспеши, поспеши,
О, Мария, возлюбленная ученица!
Ибо вызрело солнце в тиши

Гробницы;
Довершилось зачатъе,
И пора всем узнать и склониться.

III

Дети!
Скоро своими очами
Увидите сердце надзвездного света:
За то, что в смиреньи так долго
Были вы палачами,
Он удостоил вас жертвою стать.
Радуйся, мать!
Твой ребенок с тобой вознесется.
Красными пальцами жарко коснется
Огонь
Пятен позора
И засмеется в слезах просветленного взора.
Собирайте сухие поленья,
Пусть загудит красноперый костер,
Пусть разовьет свои звенья
В длинную цепь до небес...
Нож был остер,
Раны дрожали от боли, – он умер, он снова воскрес.
Ломайте заборы,
Собирайте солому,
Все, что горит;
Расставляйте дозоры,
Не подпускайте еще недостойных к заветному дому,
В этот огненный час!
Только теперь
Можно позволить запретное пение.
Все ли готовы принять вознесение?
Так разрешите сердца:
Во имя Духа, Сына, Отца —
Верь!
Кланяйся, кланяйся чаше,
Этой Господней ране!
Дети, омоемся в огненной бане,
Чтоб убедиться краше
Горних снегов,
Чтоб не заследить небесных лугов.
Звездной тропой войдем в золотые врата
И предстанем
Пред ликом Христа;
Принесем ему свои ножи,
Что проржавели от крови во имя его...

Там нас встретят святые мужи.
Станем,
Скажем,
Покажем,
И нам позавидуют серафимы
И херувимы,
И все бесплотные духи.
Потому что,
Братья,
Он приходил для распятия,
И Иуда предал его на муки,
А мы
Пригвоздили его руки.
Иуде
Любовь
Отдали;
Отреклись от того,
Кого
Так долго алкали.
Взяли
На себя
Самое тяжкое бремя:
Любя,
Убили, —
А теперь настало время.
Радуйтесь!
Не мы ли
Самую черную работу
Исполнили?
Дали кресту позолоту?
Господи, Господи!
Дали ранам его благовонный янтарь,
Шипы превратили в розы,
Освежили засохшие лозы,
Мы!
А теперь приемлем великую гарь!
Господи, Господи...
Не достойными дыханья чумы
Устами
Будем целовать его ноги;
Прикасаемся к телу самого Бога!
О, Господи, Господи! За что благословил нас
убогих
Лучшими твоими крестами?
1921

Полынь-город

Через степи, от моря до моря,
Меж метелок сухих ковыля,
Разметалась, хмельная от горя,
Святорусская тая земля.
А над нею, до утра, зарницы,
Окликая поля да леса,
Полыхают, как вещие птицы,
Зазывают зарю в небеса.

*

Есть бревенчатый город, где княжит
Век за веком Червонный Петух;
Там куренья кадильные вяжет
Горь-полынный занозистый дух.
Городские замшелые вежи
Опрокинулись в речку Горынь;
А ведут к нему тропы медвежьи,
А зовется тот город – Полынь.
Лишь замесит к заутрени солнце
Золотистое тесто в деже,
Лишь опара созреет на донце, —
Красный Певень встает на меже.
Забирается выше и круче,
Бьет в зарю звонкогудым крылом,
Гасит кровью сполошные тучи,
Высылает окрест бурелом.
И взлетают тесовые крыши
Прокаленных дотла теремов,
И взмывает все круче и выше
Петушиный заливчатый зов.

*

Выбегает Звонарь на звонницу,
Бьет в набухший от меди набат:
«Кто там ловит Червонную Птицу
По верхам свеченосных палат?
Кто там рвет переметные звенья
На моих жаровых куполах?
— От того петушиного пеня

Разлегается по небу шлях.
От того петушиного крика
Мимо солнечной зыбкой дежи
Добегут до Господнего лика
Перевитые дымом межи.
Говорю вам: недаром так долго
Я пускал Петуха на зарю —
Я из пламени новую Волгу
В надзакатных полях сотворю.
Из пожарного звонкого злата
Отолью парома-корабли,
Чтоб на них вы еще до заката
К Святодуху причалить могли.
Не гасите же стона и гуда,
Говорю тебе: дочиста сгинь
И воскресни глашатаем чуда,
Мною избранный город Полынь!»
Закрутилась тут в пляске великой
Ненасыть седокосая Гарь;
И спустился, сошел огнеликий
Со звонницы на землю Звонарь.

*

На Полынь-город молния пала,
Запалила с востока врата,
И сбежались от стара до мала
Горожане на голос Христа.
Красный Певень играет и скачет,
Призывает к небесным тропам,
А Полынь-город стелется, плачет,
Припадает к Христовым стопам:
«Ты не жги наши белые вежи,
Золоты купола не круши, —
Не замрежить в червонные мрежи
Опоенной полынью души.
Опояшет ли звезды тугая
Опояска из речки Горынь?
Да и есть ли такая другая?
Пожалей, Иисусе, остынь.
Скинь прохлады студеные ризы
На того своего Петуха,
Что срывается, пламенно-сизый,
Острым клювом кровавить верха.
Мы и тут твои верные дети —
Сколько храмов тебе возвели, —
Не губи же палаты и клетки

Святорусской убогой земли!»
И выходит Звонарь на звонницу,
Простирает в просторы ладонь;
Призывает Червонную Птицу
Заклевать красноперый огонь.
И опали крылатые цепи;
Певень облаком сгинул рудым;
Заревые ковыльные степи
Перевил, словно ладаном, дым.
Заблестали сквозь дым златоглавы,
Выгнал звездное стадо пастух...
– Возлюбившим страдания – слава;
Возлюбившим любовь – Святодух.
1922

Каменная любовь

М. К.

* * *

Не кровь моя, а древняя смола,
А черный мед, до боли вздувший жилы, —
Ты лучшего напитка не пила,
В тысячелетиях такого не любила.
И кто сказал, что пройдены пути,
И кто солгал, что сердце знает сроки?
Сквозь мускулы вырастают до кости
Любовные тяжелые уроки.
И нам ли знать начала и концы,
Когда вино и желчь — одно и то же,
Как свежесть губ и терпкие рубцы
На выжженной любовным зноем коже.

Сердце Адама

Да, плоть Адама из рыжей глины,
Земли и крови глубокий вздох, —
Я лягу грудью на дно долины
Молчать и слушать, как зреет мох.
В тугом наплыве прижать ладони
К прогретой солнцем живой земле
И плавить сердце в крутом разгоне
От плеч до горла и до колен.
И взмует радость сырого гнева,
Загнется дыбом немая кость, —
И рядом ляжет покорно Ева
Вместить всей плотью любовь и злость.
Когда же к новой весне в долину
Сойдутся звери на дым жилья —
Я покажу им со смехом сына,
С таким же рыжим лицом, как я.

* * *

Что делать мне с моей тяжелой кровью,
Чью плоть еще угрюмо раздавить?

Душа моя, в страдании и любви
Ты с каждым днем все жестче и суровей.
Не сердца ход под выгнутым ребром —
Протяжный крик и мускулов разрывы, —
В сухой зрачок медлительно и криво
Скользит луна багровым топором.
В исходе ночь. Размеренней и глубже,
Как беглый зверь, туманами дышу, —
Ты на заре к степному шалашу
Придешь назвать меня покорно мужем.
Еще один нетронутый удел
Перепашу для горестного сева, —
И хлынет вспять, без радости и гнева,
Слепая кровь, тяжелая от дел.

* * *

Борису Бродскому

Я вырезал его из дуба,
В широкий нос продел кольцо, —
И медленно, сырой и грубый,
Он повернул ко мне лицо.
Зеленой медью и железом,
При дымном свете фитиля,
Я приковал его над срезом
Передней части корабля.
Когда же по холодным тросам
Скользнула влажная заря, —
Я приказал моим матросам
Поднять в молчаньи якоря.
И за кормой, где след широкий
Белел над шаткой глубиной,
Все измерения и сроки
Распались выгнутой волной.
В немых столетиях неизменный,
Безмолвно идол с высоты
Глядел, как брызгами и пеной
Века дробились о борты.
Но в пору бурь, когда великий
Сбор смерть трубила в черный рог, —
Гремел цепями огнеликий,
Преображенной бурей, бог.

* * *

Ты рада горькому куску
Неповторимого обмана,
Но эту жесткую тоску
Я перекладывать не стану.
Не эти плечи понесут
Тяжелый груз звериной доли, —
Но хрупкий девичий сосуд
Уже мутнеет поневоле.
И разве можно пережить
Все эти отсветы и тени,
Когда от правды и от лжи
Мои сгибаются колени?
Когда дорожная клюка
Сама собой шаги торопит
И неглубокая река,
Как океан, следы затопит.

* * *

Песок и соль. В густых озерах
Дрожит ослепшая луна;
Каленые стальные шпоры —
В живое мясо скакуна.
Сухая пыль сверлит и режет
Перержавелые зрачки,
И сушит скулы острый скрежет,
Стегающий солончаки.
Но сердца стук и звон копыта,
И рядом скачущая тень —
Обломки взорванного быта,
Мифический вчерашний день.
Степной песок засеян смертью, —
Вдыхая запахи беды,
Веселый волк, горячей шерстью
Мету кровавые следы.
На конской гриве запотелой
Не дрогнет цепкая ладонь —
Пусть топчет гибнущее тело —
Тебя – рыжеголовый конь.

Крови закон

Пускай топор на черной плахе
Срубил мне голову долой,
Ты подними ее из праха
И скрой тихонько под полой.
Но если смерть не разделила
Единый узел наших дней,
Но если любишь, как любила, —
Не плачь в отчаяньи над ней.
Нет, обнажи в ночи с надеждой
Любовью взласканную грудь
И чутко слушай под одеждой
Мой жизнью озаренный путь.
И если радостью залется
Душа смятенная твоя,
И если плоть моя забьется
Под сердцем в жажде бытия, —
Дай знать мне долгим поцелуем
О воскресении моем,
И до зари еще войду я
Поющей радугой в твой дом.

Из песни о короле

Ныряют в сугробах молча,
Любой – до кости король;
Веселые зубы волчьи —
Морозная злая соль.
Мы знаем их смех и голод,
И глаз голубой огонь;
Мы знаем, что нож и холод
Прожгут королю ладонь – —
Зажатый полярным кругом,
На лыжах бежит к реке,
И мутно белеет выюга
На смуглой его щеке.
И каждый сухарь в котомке,
И каждый заряд в стволе —
Сто миль одичалой гонки,
Тревожный скупой ночлег – —
Оставлен привал короткий,
Смех, полюс, любовь и боль
В дырявой индейской лодке
Везет молодой король.

Но львиные кудри белы,
Морщинами скошен рот,
Рассеянный взгляд несмело
Скользит по замку ворот.
И дом обошел неловко,
И будто похож на нас — —
Пора, изготовь винтовку,
Бей прямо в ослепший глаз.

* * *

Для слепого — одна стезя,
На которой и днем — ни зги;
Ты сказала — меня нельзя,
Если можешь — люби других.
Для глухого слова — немые,
Как услышать тебя я мог?
У любви все пути прямы,
Все ведут на один порог.
Ты сказала — гляди, стара,
Разве можно любить старух?
Через год подрастет сестра,
Если хочешь — люби сестру.
Обнимала — последний раз —
Долго ржал по дорогам конь — —
Как уйти от любимых глаз,
Если нежность стучит в ладонь?

* * *

Мой круглый щит из дерева и кожи,
С решетчатым узором по краям, —
Сто золотых пластинок в светлой дрожи
Вокруг него подобны трем ручьям.
Для твердости — тугую сердцевину
Железная подкова облегла,
И кровь врага до верхней половины
Пред боем щит мой трижды обожгла.
Он вождь вождей. Оранжевый и синий,
Как глаз змеи, — ременным языком
В мой локоть врос, и темный жар пустыни
Струит в меня расплавленным песком.
И вот — гляди. За то, что ты сурова,
Смугла лицом, угрюма и хитра, —
Моим щитом от холода ночного

Я грудь твою накрою до утра.

* * *

Так гони же сквозь ветер кобылу,
Ты, которой упорнее нет,
Чтобы только метели завывали
В твой сверкающий, вздыбленный след.
Так стегай же арапником звонче
По ушам запотелым коня,
Чтобы свора неистовых гончих
Пронизала навывлет меня — —
Не трубите в рога по дуброве,
Не трубите в рога, говорю —
Пусть ускачет, закинувши брови,
В грозовую густую зарю.
Пусть — пылая губами тугими,
Загибая шелка на лету —
В бездорожье с другими, с другими
Гонит выюгой свою красоту.

Арго

В черном доке, кормчий одинокий,
Вновь чиню разбитое судно, —
Буду плыть положенные сроки,
Бороздить разбуженное дно.
Соль волны, снедающей и горькой,
Обожжет ослепшие зрачки, —
Из тумана в ночь святой Георгий
Бросит моря пенные куски.
Брызги бурь упали на ресницы,
Мокрый холст плотнее чугуна — —
Это кровь ржавеет и томится
На кудрявом золоте руна.

* * *

Уже не радует, не тешит,
Раздала горькую красу,
И только ветер жестко чешет
Перержавелую косу.
Лицо, размытое дождями,

И грудь бесплодную рабы
До утра насмерть желудями
Изранят хмурые дубы.
Земля, земля моя! С тревогой
Гляжу в нахлынувший туман —
Лишь перекрестки да дороги
Венчают твой сутулый стан.
Лишь обездоленная птица,
Роняя перья на лету,
Еще не верит и боится
В твою поверить наготу.
Но, непоседливый и скучный,
Могилу глубже роет крот,
И сердце знает – гость докучный
Уже стучится у ворот.

* * *

Плечо – бугром, и сердце – в два обхвата,
Размах глубок, медлителен и крут;
Удар – раз в год, и грудь – провал косматый,
Набат и рог под ветром на юру.
Прижми щеку, – за выгибом полотен
Сырой утес горячего ребра,
Суровый ход неукротимых сотен
Вкруг дымного дорожного костра.
Над горбылем степные звезды светят,
Бежит огонь в тугую щель земли – —
Гляди, я вновь закинул в море сети
И вытащил на сушу корабли.
Раз в год удар, но все грозней и шире,
От позвонка в пролом ребра разгон – —
Нет, не плодом, а стопудовой гирей
Я западу в твой запоздалый стон.

Рыбацкая

Соленый ветер бросает пену
Мне на рубаху, что сшила ты, —
Закату буря идет на смену,
Уже ныряют вокруг киты.
Но мне привычны морские страхи,
И, если в буре лишусь весла,
Устрою парус я из рубахи,
Из той рубахи, что ты дала – —

Все ветры сразу гребут без толку,
Как пьяный пляшет рыбацкий мол — —
Я выжму бурю из шерсти волка
Сегодня ночью на твой подол.

* * *

О, зверь лесной и ночью водопой
Оскаленным дыханием отыщет — —
Иду в туман примятою тропой,
И тень моя, как волк, за мною рыщет.
В глазах твоих — далекие костры,
Звезда степей над древнею телегой,
Широкий ветер яростной игры,
Развеявшей по балкам печенегов.
И любо мне в раскошенных зрачках
Следить струю татарской острой стали,
И сердца стук услышать на руках,
И кости гнуть в мучительном закале.
Да, любо мне кудрявую косу
Смеясь, сжимать ладонью загорелой,
И эхо гнать в просмоленном лесу,
И грудь твою поить любовью зрелой — —
Русь, кровь моя, желанная сестра, —
Кто вытерпит весь груз такой любви!
Я вылетел из дымного костра,
Чтоб вновь гореть, любить и жечь — до крови.

Дух земли

В глубокой балке переняли,
Картечью вздыбили коня,
Скрутили, выгнули и смяли,
И оземь бросили меня.
Хмельному солнцу буйно рады,
В веселом топоте легки,
Кудрявый череп конокрада
Чесали насмерть каблуки.
Но каждый хруст костей упругих
В ушах смеялся бубенцом,
И пело сердце пестрым кругом
Над перекошенным лицом.
Когда же кол, сырой и гладкий,
Тысячелетнее копьё,
Прошел медлительно и сладко

Сквозь горло звонкое мое, —
Девичий взор, сухой и зоркий,
Лизнул мой вытекший висок,
И дух земли, как ладан горький,
Любовью брызнул на песок.

* * *

Скалит зубы – такая ль плаха,
Для меня ль да дубовый пень? – —
А кругом еще красным взмахом
Ходит по небу дым деревень.
Так и брызжет вихрастый ветер
Даровой огневой крупой,
И кричат как шальные дети
Над бельмастой сырой толпой.
А у плахи стоит – ломается,
Теребит кумачовый плат
И свистит соловьем в два пальца
Деревенский веселый кат – —
Это сон про былые встречи,
Это сказ про вороний грай,
Про тугие литые плечи,
Что сработаны в два топора.
Не буди – под крутым обрывом,
Где седые ржут табуны,
Темный ветер закинул гриву
В низовые степные сны.

* * *

Затравила в яру лисицу
Подымала в упор ружье – —
Не скули, научись крепиться,
Острозубое сердце мое.
Не сбегу, не уйду – могу ли,
Тихий усмех могу ль забыть?
Есть заклятья страшнее пули —
Одиноко на звезды выть.
Что глядишь? Нагустила брови,
Растопила огонь в зрачке,
Мокрый запах звериной крови
Разожгла на моем виске – —
Не забудь – чтоб вернее было,
Чтоб ночами на ум не шел, —

Без пощады вгони в могилу,
Через сердце, осиновый кол.

Каменная любовь

Когда луна вонзит свой меч
В степную ржавую могилу,
И вставший дыбом жеребец
Повалит ржущую кобылу, —
На зов степей, на конский яр,
На свежесть влажного тумана
От сна восстанет скифский царь
И выйдет вон из тьмы кургана.
Туда, где в ночь бежит ковыль
Стезею лунного ухаба,
Где сторожит седую быль
Немая каменная баба, —
Из-под бровей он кинет взор,
Разбудит эхо звоном шага
И выпьет ветровой задор
Ковыльных снов, полынной браги.
В степных играющих кострах
Тысячелетия сгорели —
Не для того ль, чтоб ржавый прах
Заглох в дыму весенней прели? — —
И только там, между колен
Просторам внемлющей царицы,
Былых веков холодный тлен
Неверной дымкою клубится.
Но так же юн, но так же щедр
Хмельной простор, и, так же молод,
Из мглы столетий гонит ветер
Любовный жар и крепкий холод.
О, сколько звезд, о, сколько лун
В сухих запуталось бурьянах!
В который раз степной табун
Упился ласками допьяна! — —
С широких плеч он сбросил прочь
Свои ременные доспехи,
И закатились звезды в ночь
От гула царственной утех.
Под дланью тяжелой ожил вновь
Гранитный стан до сердцевины,
И брызжет в степь рудая кровь
На непочатые целины.
Его железная нога
Колени каменные режет,

И с плотью плоть – как два врага,
И их лобзанья – стон и скрежет – —
Так, до зари, под конский яр,
Под ржанье дикой кобылицы,
Ласкает древний скифский царь
Свою суровую царицу.
Его рукой укрощена,
Она не бьется и не стонет,
И ветер взметает семена
И в буйной радости их гонит.
Вздымает к стынувшей луне,
Роняет в гулкие овраги,
Где хмурый волк залег на дне
У сребротканой лунной влаги.
И в светлом лоне зыбких вод,
И в черных снах земного чрева,
В глухих глубинах, зреет плод
Любви и каменного гнева.

Поздний гость

I Стихи

*По страницам ветер бродит;
Из распавшейся строки
Сквозь трамвайные звонки
Поздний гость ко мне выходит.*

*Кто он? Чем он сердцу дорог?
Думать трудно, думать лень —*

Плач Ярославны

*Копѣ поютъ на Дунаи. Ярославнынѣ
гласъ слышитъ; зегзицею незнаемъ
рано кычетъ...*

Слово о полку Игореве

1

Темный лоб в огневой насечке, —
Не атлас, не шелк, не парча — —
Раздобыли во всем местечке
Залежалый кусок кумача.
Темный лоб перерезан шрамом,
В веки врезаны два пятака, —
Есть в местечке такая яма,
Где бессрочны все отпуска.
Проходили, прошли, и мимо, —
Снегом, ветром следы замело — —
Что, товарищ, так нелюдимо
В три морщины ты сжал чело?
Не тужи, не робей, не надо, —
Задувает в зарю трубач,
Это конница Сталинграда
За тобой развернулась вскачь.
Ухарь ветер усы косматит,
От галопа душе бодрей,
Разошелся, снарядов хватит,
В ярой одуре гром батарей — —
Будет, будет вином багряным
Угощать молодых подряд
В чистом поле на свадьбе пьяной
Молчаливый курносый сват.

Будет кланяться миру в пояс,
Обнимать за дружкой дружка, —
Слышу, слышу – княгинин голос
Окликает сквозь дым века.

2

В Новеграде, в Путивле старом,
Лишь заря прозвенит в окно,
На стене городской, над яром,
Раздувается полотно.
То не лебедь поет, тоскует,
В море синее бьет крылом, —
Ярославна в зарю кукует,
Припадает к земле челом.
– Полечу, – кычет, – вдаль зегзицей,
– За Каял, за реку быстру —
Ярославна-свет вещей птицей
Просыпается поутру.
– Долечу, – кычет, – к тем ли воям
Что курганная степь взяла, – —
Ржала медью, к лихому бою,
За холмами ночная мгла.
Где рядами легли шинели
На зеленый, на конский луг,
Плавит жажда на княжьем теле
Огневую свою стрелу.
Я рукав омочу бобровый
В тот Каял, в ту реку быстру,
На виске его шрам суровый,
Росчерк сабельный оботру...
Солнце, солнце, почто простерло
Ты лучи над родным полком?
Пылью каменной выжгло горло,
Заслепило глаза песком.
Губы милого жаром серым,
Смертной жалобой сведены – —
Ярославна уходит в терем
На заре с городской стены.

3

Снилось мне, – на горах, на черных,
Пеленали в холсты меня,
И коньки в теремах узорных
Поломались к закату дня.

Замешали в вино отраву,
Дали выпить мне то вино,
В синем кубке лихие травы
Оплели корневищем дно.
У колчанов открыли тулы,
Часто сыпали мне на грудь
Крупный жемчуг, и долгим гулом
Ворожила ночная муть...
Смутный сон. На походном ложе,
На тесовом, я ждал утра,
И твой плач, на туман похожий,
Стлался медленно вокруг шатра.
Барабаны пробили зорю,
Батарейный трубил трубач – —
Между Волгой и Черным Морем
Встал к полудню твой древний плач.
Все бугры зацвели полками,
И я слышал, – трубя, звеня,
Прорастала земля веками
У копыт моего коня.
И я видел, – в сквозные ткани,
В жемчуг матовый убрана,
Уплывала в речном тумане
За певучей волной волна.

4

То не лебедь поет, тоскует,
В море синее бьет крылом, —
Ярославна в зарю кукует,
Припадает к земле челом – —
Ты не плачь, Ярославна, в зори,
Ты в зарю на стене не плачь, —
Скачет долом, летит с угорий
Твой кудрявый лихой трубач.
Вон ширяет все выше, выше,
И куда ни взмахнет рука, —
Красным золотом камень вышит,
Кровью вздыбленной седока.
В Новеграде, в Москве, во Пскове
И на Волге шумит-звенит,
В снежный голос косматит брови,
Распускает в метель ремни.
Выкликает орлов на зори,
Орлий клекот по всей земле,
От соленых чужих поморий
До путивльских родных полей – —
Кони ржут за Сулой, за Доном,

Щит багряный ведет полки,
В дымный трепет, в степные гоны
Брошен перстень с твоей руки.
Запушился морозной пылью,
Закружился в седой волне,
Пал в года лебединой былью,
Вещим словом на сердце мне.
Где каспийская степь безводней,
Распаялся, прожег песок — —
Но не плачь, ты не плачь сегодня
На стене в заревой восток.
Скачут кони, несутся лихо,
Всем видны, далеко слышны — —
Ярославна уходит тихо
На заре с городской стены.

Игоревы полки

И та же степь, и тот же зной,
Лазурь над глиной и песками, —
Знакомый путь передо мной,
Поросший ржавыми веками.
Сверкнет дорожный бубенец,
Переплеснется воздух четкий,
И за курганами беглец
Вздымает пыль стальной походкой.
Опять ордынская стрела
В колчане зреет и томится,
И в узкой балке расцвела
Багряной былью сукровица.
Неистребимы и легки,
Кудрявым Игорям на смену,
Спешат веселые полки
Забрызгать степи конской пеной.
Сухие стебли ковыля
Срезают кони удилами, —
И стала русская земля
За невысокими холмами.
Все та же степь, и тот же хруст,
Блуждают сумерки в овраге,
И неприметный к ночи куст
Стал тяжелей от росной браги.
Печаль дорожная звенит
Крылом подбитым журавлиным,
От граней дымчатых в зенит
Струится тень широким клином.
Несется полночь на коне,

Томится ратник в поле чистом,
На половецкой стороне
Смерть пляской тешится и свистом.
Предгрозовой тяжелый пар
Гнет долу тощие бурьяны,
И синей молнии пожар
Поют тревожные баяны.
Но жаркий шлем закинут в Дон,
Заря скрипит над волчьим логом, —
Летит с попутным ветром звон
Лебяжьим пухом по дорогам.
Мне по обочинам пустым
Дано трубить в мой рог суровый
И призывать далекий дым
В забвенье рухнувшего крова.
Но снилось – вызрела стрела,
И дева вещая Обида
По бездорожьям и телам
Прошла от Кеми до Тавриды.
Как птица древняя, в ночи
Кричала сонная телега,
И пересохшие мечи
Тупились в ярости набега.
Горели заревом костры,
Дымилась степь кремневой пылью,
И все овраги и бугры
Цвели всю ночь багряной былью.
И знал, – от зарева проснись, —
Звеня железными полками,
Придет и снова станет Русь
За невысокими холмами.
Костями рылась борозда,
Ломались крепкие орала,
И темной гибели узда
Ладони кровью обаграла.
Но трудный полдень согнут в рог, —
Веселый Игорь скачет прямо
И в каждый встреченный порог
Звенит победными ветрами —
Широкий ветер освежит
Немой простор земного круга,
Перемешает рубежи
И дали вымеряет туго.
Росой коснется пыльных губ,
Дождем прольется над долиной
И в кирпичи высоких труб
Плеснет размеренной былиной.
1925-45

Берлин 1923-1939

* * *

Снова хмель загулял во сне,
Сад в три дня молоком облит, —
А в лесу, на овражном дне,
Половецкая девка спит.
Березняк да крапивный дух
Приведут под уздцы коня, —
За конем прибежит пастух,
Завернет поводок вокруг пня.
Паровоз за бугром свистит,
Бродит в снах колокольный звон — —
Ты коня, молодец, пусти —
Половчанку бери в полон.
Выйдет ночь проверять весну,
Стянет звездный тугой кушак, —
В молодом весняном плену
Зацветет на сорочке мак.

1925

Земля

Ярится степь, — уже не дева,
Дождем и солнцем пронзена,
Земля для пламенного сева
Блистательно обнажена.
Сгрудились борозды за плугом,
Безмолвен пахарь и суров,
И черный пар пояшет туго
Сосцы набухшие бугров.
Взыгравший ветер вгоняет щедро
Тепло в земные глубины,
В зерном беременные недра
Подъятой плугом целины.
Как укрошенная рабыня,
До дна распаханная новь
Несет, покорная отныне,
Железа терпкую любовь.
А там, в овражной буйной чаще,
В насторожившемся яру,
Зверье бродяжное все чаще

Взывает к звездному костру.
И вечерами дней погожих,
Когда закат кропит поля,
Волчат, детенышей пригожих,
Рождает рыжая земля.
И в тяжкий час степной натуги,
Обрекший жатве тонкий злак,
Волками полнятся яруги
И заповедный буерак.
Когда же в голые просторы
Морозы выжмут кровь рябин,
Волчата хмурые, как воры,
Крадучись, выйдут из глубин.
Уйдут в осенние туманы,
Разыщут гибель в ржавой мгле,
И ветер, остуживая раны,
Пригнет их к матери земле.

1923

* * *

Глухая ночь. Фонарь, зевая,
Оберегает черный мост,
Метель, как лошадь скаковая,
На крыше распустила хвост.
То пляшет на сугробе взрытом,
Играя, рвется на дыбы,
То бьет в чугунные столбы
Своим рассыпчатым копытом.
И вдруг зальется ржаньем грозным,
Галопом скачет вдоль стены,
Попона облаком морозным
Летит с крутой ее спины.
Как часовой стою на страже,
Слежу за ней из-за угла,
Я жду ее, зову и даже
Касаюсь зыбкого седла.
И вот – вскочу, заправлю ноги
В сверкающие стремяна
И бурным вихрем, без дороги,
Помчусь по воле скакуна.

1929

Вечерняя звезда

На обозленный и усталый,

На город пыльных чердаков
Звезда вечерняя упала
Из мимолетных облаков.
И сразу стало по-иному, —
То горячее, то нежней,
По улицам – от дома к дому —
Взлетели тысячи огней.
Мгла исступленно просветлела,
И, в новый ритм вовлечена,
Душа медлительное тело
Оставить вдруг обречена.
Еще привычно попираю
Гранит сердитым каблуком,
Еще неловко протираю
Очки фуляровым платком, —
А из-под ног земля уходит
В лазурь, в туманы – навсегда —
И лишь вечерняя звезда
Одна навстречу мне восходит.

1929

* * *

В холодный дым, в туман морозный,
Сегодня город погружен,
Над белой аркой всадник грозный
Сияньем тусклым окружен.
Его лицо забили туго
Непроницаемые льды,
И медленно пушится выюга
В широких кольцах бороды.
С карнизов косо пыль сдувая,
На острых выступах свистит
И мутным облаком летит
По голой линии трамвая.
Глуша прохожего звонками,
Срывает шляпы и платки
И мчит огромными прыжками
Увертливые котелки.
А вслед за буйными вещами,
Рождая черные смерчи,
Взлетают с треском над плечами
Широковейные плащи.
Громовый грохот и стенанье,
Обвалы каменной стены — —
То ветер из моей страны
Приносит мне напоминанье.

И все внезапной тьмой сокрыто, —
Шумит метель по всей земле — —
Лишь там над бездной, в белой мгле
Чернеет конское копыто.

1929

Волхвы

Взошла звезда над каменной трубой,
И вот — не сплю, не двигаюсь, бледнею — —
Да, три волхва бредут уже за нею,
Роняя тени в сумрак голубой.
Их кудри белы львиной белизной
(Вся седина моей земли бесплодной), —
Их губы дышат горечью степной,
По-летнему прозрачной и холодной.
Но бьют часы. В бесформенном углу
Отчетливей границы очертаний; — —
Три полотенца свесились во мглу
Предутренних пустых очарований —
Нет, не жалею, душа моя. Храни
Все голоса, пропевшие однажды,
Все марева, возникшие от жажды,
Всех дальних звезд неверные огни.

Рюген

На горизонте редкий мрак,
Дождей широкие ладони, —
Как пламень жертвенный, маяк
Зажегся в сумрачной Арконе.
Идут на север стороною
Едва приметные суда,
В тиши тревожной иногда
Лишь чайка вскрикнет надо мною.
Все глуше, глуше шорох важный
Доходит из дубровной мглы, —
И вдруг со стоном ветер влажный
Сгибает черные стволы.
О, как терзает, как возносит
Он ветви в бурной вышине,
О, как он мучит сердце мне,
Как этой муки сердце просит.

* * *

Зверь обрастает шерстью для тепла,
А человек – любовным заблуждением, —
Лишь ты, душа, как мохом поросла
Насильственным и беглым наслаждением.
Меня томит мой неизбежный день,
Ни счастья в нем, ни даже возмущенья — —
Есть голода высокая ступень,
Похожая на муки пресыщенья.

* * *

И дождь, и мгла. Не все ль равно?
Артист в душе, творец без цели, —
Он нежной музыки зерно
Качает в жесткой колыбели.
Пусть спотыкается смычок,
Из грубых пальцев выпадая, —
Но царственно провалы щек
Захлестывает прядь седая.
Невыразимая мечта
Им безраздельно овладела, —
И строже тонкие уста,
И выше сгорбленное тело — —
Дождями вымытый сюртук
Вбирает жадно ритм и звуки, —
О, пламень глаз, о, сердца стук,
О, в ветер брошенные руки!
Зачем же хмурая толпа,
Зажатая под воротами,
Так равнодушна, так скупа,
Так небрежет его мечтами?
И вот – высокое чело
Склонилось долу и остыло, —
Как будто то, что быть могло,
Ничтожнее того, что было.

1928

* * *

Порой, как бы встревоженный слегка,
В пустом кафе не замечаю скуки,
И кажутся чарующими звуки

Небрежного и грубого смычка.
И вот – гляжу по-новому туда,
Где, к телу скрипки припадая бровью,
Худой румын торгует без стыда
Поддельной страстью, злобой и любовью.
Так длится ночь. Дымятся зеркала,
В окно плывет несвежая прохлада,
На скатерти сигарная зола
Крошится в бурых пятнах шоколада.
Я слушаю. И мысль во мне одна, —
Душа, как поле осенью, изрыта,
Захлестана, дотла разорена,
И оттого – всем радостям открыта.

1928

Тени под мостом

Где ночи нет, а день не нужен,
Под аркой гулко моста
Азартом заменяя ужин,
Они играют в три листа.
На свалке городского хлама,
В лоскутках краденых мешков, —
Не все ль равно? валет и дама
Решают судьбы игроков.
Вот загораясь жаждой гнева,
Убийца с золотым зрачком
К веселому соседу слева
Уж надвигается бочком.
Но, с ловкостью привычной вора
Тасуя карты, шутки для,
Сосед опасному партнеру
Сдает учтиво короля – —
Так, забавляясь и играя,
Подобные летучей мгле,
Легко любя и умирая,
Они проходят по земле.
О, не гляди на них тревожно, —
Освобожденным и нагим
Доступно все и все возможно,
Что снится изредка другим.

1928

* * *

Когда прожектор в выси черной

Свой узкий распускает хвост
И над общественной уборной
Подрагивает гулко мост, —
И затекает дождь за ворот
Растерзанного пиджака,
Мне кажется, что мост и город
Вдруг уплывают в облака —
Кто может знать? Но бег тревожный,
Весь этот шум и лязг и звон —
Весь этот мир – быть может, ложный
Мучительный и краткий сон.
И вдруг под фонарем проснется
Бродяга в ржавом котелке,
Он рук моих крылом коснется,
Он уведет меня к реке.
И я увижу с изумленьем
Сквозь своды тяжкие воды
Лазурь, пронизанную пенем,
И белых отроков ряды.
И крылья обретая тоже,
Уже летя, уже трубя,
Я в том, который всех моложе,
Узнаю с трепетом тебя.

1928-1952

Бессонница

1

Снова въедливая хина
Сводит судорогой рот,
На висках горячий пот — —
Посиди со мною, Нина.
Опусти плотнее штору,
Лампу книгами закрой,
Вечер скучный и сырой
Пролетит легко и скоро.
Будем слушать понемногу
Шум докучливый дождя
Иль, на рифму набредя,
Заглушать стихом тревогу.
Трудно, трудно в вечер длинный
Призывать напрасный сон,
Выжимать в стакан лимон,
Слушать шорохи в гостиной.
Ночь придет, луна засветит
Узкой щелью на стене,

Позову ль кого – и мне
Только голос мой ответит.
Жар и бред. Мечты пустые – —
В целом доме – никого,
И на улице мертво,
Только сумерки густые.
Только легкой каруселью
Тени носятся вокруг,
Только сердца тайный стук
В полуночном подземелье.

2

К незатейливой постели
Ближе столик подтяну
Лист бумаги перегну
Чтоб края не шелестели.
Резкой лампочки стекло
Счетом прачки перекрою,
Пуховик взобью горою – —
Тихо, чисто и тепло.
Скука день свой отстучала,
Отлетел короткий срок,
Помяну его меж строк, —
Завтра буду жить сначала.
Острый след карандаша
Закруглился понемногу, —
Так выходит на дорогу
Полуночная душа.
Что ж? Не все ей по заказу
В пятнах окон городских
Под дождем искать таких,
Что не выпались ни разу.
Счастье рядом, счастье тень,
С каждым шагом неразлучно,
Да шагать без цели скучно,
А бежать за целью лень.
Оттого в метель ночную
Хорошо лежать без сна,
Ближе к тени, чтоб она
Прилегла к душе вплотную – —
Поздно. Счастьем окружен,
Глаз усталых не смыкаю,
Рифму милую ласкаю
И не верю в добрый сон.

* * *

Я полюбил Берлин тяжелый,
Его железные мосты,
Его деревья и цветы,
Его проспектов воздух голый.
Иду неведомой дорогой
В туман, рассветом залитой, —
Гранитный профиль, голос строгий
Пленяют важной простотой.
Чернеет линия канала,
Горят сигнальные огни,
От холодеющей ступни
В подводный сумрак тень упала.
За ней – перил чугун фигурный,
Под аркой – отраженный свод, —
Нет, не Венеции лазурной
Равняться с блеском черных вод.
Здесь, только здесь и может сниться
Сон, невозможный наяву, —
Лед, сжавший черную Неву,
И в бездне – Зимняя Столица.

1930

Пудель

Да, есть, о – есть в обычном мире
Необычайные шаги – —
Сажу в прокуренном трактире,
И шум, и гам, и вдруг – ни зги.
На электрические свечи,
На неживые зеркала,
На обессиленные плечи
Внезапная нисходит мгла.
И в онемевшем разговоре
Звук тщетно бьется и молчит,
Лишь в северном пустынном море
Подводный колокол звучит.
И кто-то в темень грозовую
Вознес на мачте два огня,
И кто-то трижды вокруг меня
Черту смыкает огневую – —
И вижу мрак дуги надбровной
И выступ острого виска,
И слышу чей-то шаг неровный
И скрип стального коготка,

И пусть одно мгновение только
Мой краткий продолжался сон,
Пусть затанцованная полька
Опять терзает граммофон, —
Уже молчу, уже не верю
Ни пьяницам, ни кельнерам,
Гляжу внимательно на двери —
И ничего не вижу там.
Но жженой серы запах душный
Горчит забытое вино,
И просит растворить окно
Мой собеседник простодушный.
А чуть поодаль, в стороне,
Хозяин пуделя ласкает,
И черный пудель глухо лает
И порывается ко мне.

* * *

Иду по набережной черной
В закрытом наглухо пальто,
Слежу за тенью беспризорной
И думаю не то, не то.
Когда в стволе сухом и жестком
Взыграет соками весна
И над широким перекрестком
Взойдет широкая луна,
Когда в канаве заржавелой
Ростки завьются зеленой,
И станет ветер неумелый
И ласковей, и солоней, —
Не выдержу, в ночную глотку
Швырну ключи от всех дверей
И жизнь, как парусную лодку,
Пущу гулять, без якорей.

1930

* * *

Чуть подует ветер влажный
Заструит в окне листву
Весь в чернилах лист бумажный
Косо ляжет на траву
И шурша в траве зеленой
С теплым утром заодно
Рифма девочкой влюбленной

Запоев в мое окно.
Так, от шалости воздушной,
От движенья ветерка,
Станет плотьк непослушной
Простодушная строка.

1931

* * *

К прохладе гладкого стола
Прильну щекой, ресницы сдвину, —
И от угла и до угла
Вдруг вижу плоскую равнину.
Далекий голос за стеной,
В вечерних сумерках гитара,
А подо мной и предо мной
Моя привычная Сахара.
В пустыне марева и сны,
Воздушные лучатся токи,
Я сплю. И брызги тишины
Мне горько увлажняют щеки.
А там, где черный лак стола
Пронизан пламенем стакана,
Как бы два яростных крыла
Восходят в золоте тумана.
И с замираньем сердца жду,
Вот, вот взлетит в огне и громе,
Со звоном лопнут стекла в доме,
И, оглушенный, упаду.

1931

* * *

В тот день отчетливей и резче
Труба под солнцем протрубит,
И древле связанные вещи
Сойдут с расплавленных орбит.
Смеясь и плача, ангел звонкий
Провеет вихрем по земле
И распадется пылью тонкой
На письменном моем столе.
И вспыхнет легкая страница
Тревожного черновика,
И в сердце вытлеет строка,
И перестанет сердце биться.
Но знаю, знаю, в мире новом,

Затеряна, оглушена,
Душа, – земным коротким словом
Ты будешь насмерть сражена...
Тогда в своей печали строгой
Чужое имя назови,
Исполненное боли многой
И меда горького любви.

* * *

Должно быть, на море туман, —
Волна на брызги не скупится;
Должно быть, старый капитан
До самой смерти не проспится.
Клянясь убийственной божбой,
В вонючих переходах трюма
Кто топором, кто острой
Уж запасается угрюмо.
Пожалуй, кровь и потечет,
Смешается с тюленьим жиром,
И ветер яростный над миром
Со стоном тучи повлечет.
И в ночь кромешную, сверкая,
Ракетой вырвется беда,
И закипит волна морская,
Ломая встречные суда, —
Обрушатся дожди потоком
В густую, в грозовую тьму,
И только я, во сне жестоком,
Игры веселой не пойму.
Перебегая рысью валкой
Сквозь дымные струи и свист,
Зло отшвырну намокшей палкой
Приставший по дороге лист,
Забьюсь в подъезд чужого дома,
Затиснусь в дальний уголок, —
И полетит под грохот грома
По лужам чей-то котелок.

1931-1945

* * *

Сегодня снег. Окно вагона
Легчайший запустил мороз,
Еще четыре перегона —
И переменят паровоз.

Сорвутся лыжники гурьбою
И разбегутся кто куда,
И только я с моей судьбою
Считать останусь провода.
За телеграфными столбами
Холодный воздух пуст и гол,
Лишь справа черными зубами
Поскрипывает частокол.
И слишком, как-то слишком близко,
Открытая со всех сторон,
Топографическая вышка
Прочерчивает небосклон.
Так вот она, земля живая, —
Она мне снилась не такой — —
Вернусь по линии трамвая
В привычный сумрак городской.
Пойду по улицам без цели
Бродить и слушать до зари,
Как злобно звонкие метели
Гнут городские фонари.

1931

* * *

Бреду в сугробе, и без шубы
Летишь навстречу ты сама,
Кружась; тебя целует в губы
В тебя влюбленная зима.
Я восхищаюсь и ревную,
И насмотреться не могу
А ветер кофточку цветную
Оглаживает на бегу.
Смеясь, несется лик румяный,
И вдруг — беда, скользит нога, — —
И ты на пышные снега
Упала северной Дианой.

Гость

Колоколец не звучит,
Гулкий ставень не стучит,
Ель под снегом не скрипит.
В доме пусто, город спит.
Я лежу в моей постели,
Книга плавает в руке, —
Слышу — в старом сундуке

Мыши будто присмирели — —
Что читаю? Все равно мне,
Этой книги не пойму,
Этой жизни не приму,
Этой памятью не помню.
По страницам ветер бродит;
Из распавшейся строки
Сквозь трамвайные звонки
Поздний гость ко мне выходит.
Кто он? Чем он сердцу дорог?
Думать трудно, думать лень — —
Наплывает зимний день
Из-за выбеленных шторок.
Вот сомкну глаза от света, —
Не припомню ль в полусне,
Кто там бросил в сердце мне
Белый отблеск пистолета?
Поздно. Ставень не стучит,
Колоколец не звучит,
Не качается сосна.
Косо дует от окна.

1931

* * *

Так ясно вижу — без сигнала,
Без объявления войны,
За мирным чтением журнала
Мы будем чем-то смущены.
И кто-нибудь движеньем резким,
Как бы очнувшись ото сна,
Сорвет внезапно занавеску
С побагровевшего окна.
И вдруг увидим, — из тумана,
Из черных, из пустых ночей
Взойдет в сиянии лучей
Кровавый глаз аэроплана.
Услышим в бешеном молчанье
Щелчок стального рычага
И равномерное дыханье
Многоочитого врага.
И, яростью немой томимы,
В одно мгновенье, там и тут,
Сверкающие херувимы
Над ночью пламя пронесут.
Как громко завопят сирены,
Завоют дикие свистки,

Как забеснуются гудки,
Как рухнут каменные стены. —
Под сводом ненадежным храма
Вотще органы загремят
И густо свечи задымят, —
Земля начнется без Адама.

1931

* * *

Я грезил в сонной тишине,
Ненарушимой и безбрежной,
И было странно слушать мне
Твой плач, и жалобный и нежный.
В пустынной спальне, без огня,
Я был объят мечтой иною, —
Ночь, ночь овладевала мною,
Качала и влекла меня.
Твои упреки облекал
Глухой прибой в размер певучий,
И вот – в молчанье стих летучий,
Стих быстротечный возникал.
А я лежал, закинув руки
К каким-то темным облакам,
Я плыл в невозмутимой муке
Навстречу дальним маякам.
И папиросы пепел жаркий,
Дрожавший где-то в стороне,
Мерцал сквозь сон звездой неяркой
В подводной, в черной глубине.
Но, захлебнуться в ней готовый,
Почти уже касаясь дна,
Я различал твой профиль снова
На фоне мутного окна – —
О, если б знала ты, какие
Хлестали волны в этот час,
Какие зарева морские
Во мраке озаряли нас.

1931

Ночью

Поздней ночью зажигаю
Одинокую свечу.
Не до сна мне. Я шагаю,
Вспоминаю и молчу.

Тихо, мирно за стеною,
Городская ночь пуста.
Даже ветер стороною
Не заденет в ней куста.
Даже куст в сыром тумане
Черной веткой не качнет —
Даже кот мой на диване
Сонных глаз не разомкнет.

1934

* * *

Зима. Трубящая эстрада,
Веселый выворот флажка, —
Кружится резвая наяда
На гладком зеркале катка.
Влюбленных возгласов не слышит
Не размыкает нежных губ — —
Полярным жаром солнце пышет
На медном развороте труб.
Стуча коньками, выбегает
На лед румяная орда,
И вдруг звезда, треща, вращается
В твердыню лопнувшего льда.
Отважно розовеют лица,
Вдали дымится белый прах, —
Вся в горностае и в стихах
Сегодня зимняя столица.
Поклон, наклон, — и вот, с разгона, —
(Метка рука) — издалика —
Удар лукавого снежка
В седое золото погона.
Какой ожог! Но скоро, скоро! — —
Преодолен мундирный плен, —
Летит с морозной трелью шпора
В охват услужливых колен.
И, весело гонимый вьюгой,
С прохладным зноем на щеках,
Я на серебряных коньках
Лечу с приветливой подругой.

1934

* * *

Где с вечера прожектор скудный
Задернут сеткой дождевой,

Корабль безмолвный и безлюдный
Проходит тенью огневой.
И стала ты неразличима,
Тебя как сном заволокло,
И только влажный запах дыма
Порывом ветра донесло.
Счастливый путь, – еще не поздно – —
Но дальний трепет фонаря,
Но в море первая заря, —
Отныне все нам будет розно.
Душа души едва коснулась —
И дрогнула, уязвлена,
И как балтийская волна
В тумане дождевом проснулась.
Бурлит, клокочет, берег гложет,
Без отражений, без лучей,
Седые кольца пены множит,
И мутный блеск ее – ничей.

1936

Венеция

Здесь тайны строгие забыты
Для смеха праздничных гостей,
Здесь все сокровища открыты
Для туристических затей.
Вотще крылатый лев маячит
В высокой лучезарной мгле, —
Никто его на всей земле
Не воспоем и не оплачет.
Он молча смотрит с высоты
На нищую свою столицу,
Он хмурит мертвые черты, —
Но мертвым ничего не снится.
Увы. Под небом голубым
Жизнь кажется давно ненужной,
Как этот пароходный дым
Над Адриатикой жемчужной...
Прими и не ищи иного,
Но ради прошлого убей
Хотя бы пару голубей
Обломком мрамора цветного.

1937

Луна-парк

Взлетела яркая ракета
И с треском лопнула. И вдруг
Весь зримый мир, весь древний круг
Распался на осколки света.
Все с громом рухнуло за нею,
В глухую закатилось ночь, —
Качели откачнулись прочь,
И черный тополь стал чернее.
Внезапной вспышкой огневою
Ослеплена, оглушена,
Душа в паденье дуговое
Как в черный вихрь увлечена.
И, пробудясь, уже не сразу
Земную скудость узнает, —
Крутую арку в пятнах газа,
Высокий тополь у ворот...

1937

* * *

На шумных братьев не похожий,
Весь день прихода ночи жду,
А ночью слушаю в саду,
Как вызревает слово Божье.
В мерцанье лунного столба
В густой листве таится лира,
И ствол недвижимый – как труба,
В которой замкнут голос мира.
Вот резвый ветер налетит —
И заиграет мрак привольный,
Всколышется, зашелестит
И бурным пеньем возвестит,
Что ныне молвит Безглагольный.

1937

* * *

Как часто на любовном ложе,
Целуя милые уста,
Мы думаем все то же, то же, —
Душа ленива и пуста.
Обласканные нами плечи
Как бы царапаем зрачком
И страстные лепечем речи
Чужим враждебным языком.
И беспокойно шарит – бродит

В сосущей темноте рука,
И нужных спичек не находит,
Не зажигает огонька, —
Но в дебрях столика ночного,
Где наспех брошено белье,
Дрожа, ощупывает снова
Старинной бритвы лезвие — —
А утром, ночь припоминая,
Мы медленно глотаем стыд
Иль плачем холодно навзрыд — —
О, бедная душа земная!

1937

* * *

На берегу большой реки
С одеждой оставляю тело.
Дрожат и шепчутся несмело
Над гладью водной тростники.
И вот — переступил черту,
В речном тумане молча таю
И уплываю, уплываю
В ликующую пустоту.
Так это смерть? Но ясный день
В меня проник теплом и светом,
И ночь моя — простая тень
В простом и светлом мире этом.
Все — глубина и синева,
Слегка одетая волною,
И только узкая трава
Плывет, качается со мною.
Здесь каждый стебель полон мной,
И все полно моим дыханьем,
Я проливаюсь в мир иной
Одним безбрежным колыханьем.
Колеблюсь в зыбкой глубине,
Влекусь за облаком бегущим,
И жалость смутная во мне
Ко всем усопшим и живущим.

1937

* * *

Когда с работы он идет,
Устало разминая ноги,
Когда у стойки пиво пьет,

Бранит погоду и налоги, —
Кто в резких бороздах чела
Отыщет след страстей мятежных?
Кто в черноте одежд небрежных
Узнает тусклый след крыла?
Увы, над гулкой бездной мира
Тысячелетия прошли,
Изгнанник вольного эфира
Стал пленным пасынком земли.
Блеск рая, грозный мрак паденья —
Зарыты в мутных тайнах сна, —
Земная жажда разрушенья
Земной душе его дана.
И часто, заглушая речи
Праздновраждующих сторон,
В трескучий говор человеческий
Как нож вонзает слово он.
И снова в кабачке убогом,
Старинный спор не разреша,
В единоборство с мертвым Богом
Вступает мертвая душа.
Его никто не прерывает
Ответный голос не звучит
Внимательная ночь молчит, —
Но солнце в мире убывает.

1937

Сивилла

Весь день молола нянька вздор, —
Ребенку будет очень худо,
Недаром с некоторых пор
Ей снятся голоса «оттуда».
И правда, в дом вошла беда —
Ребенок умер от желтухи,
Не глядя на ночь, господа
Прогнали вещь старуху.
Она простилась кое-как,
Не причитала и не выла,
В ночную стужу, в дождь и мрак
Ушла косматая Сивилла.
А ветер ей слепил глаза,
Срывал со свистом покрывало —
Как будто в мире бушевала
Пророчеств тайная гроза.

1938

* * *

В зеленом зареве листа,
В губах, и в воздухе, и всюду
Такая легкость разлита,
Такое трепетное чудо!
Струится золото и медь,
Сияют розовые клены, —
Так просто жить и умереть,
Благословляя все законы.
Осенний жар, осенний хлад
Загаром обдувает щеки, —
Каких потерь, каких наград
Незабываемы уроки?
И этот день, — не все ль равно,
Что будет к вечеру иль к ночи?
Что не иссякло — то полно,
А радость горя не короче.

1938

* * *

Бегу пустыней переулка
И рассуждаю сам с собой,
И, камнем отраженный гулко,
Мой голос кажется трубой.
— Ну, что же, наступили сроки?
— Где эти ангелы твои?
А ветер бороздит мне щеки
Ожогом ледяной струи.
И ангел бронзовый на башне,
Обросший инеем и льдом,
День этот, как и день вчерашний,
Возносит в сумерки с трудом.

* * *

Недаром целый день вчера
Снаряды падали так близко,
И из-за черного бугра
В тумане возникала вспышка.
Враги сегодня тут как тут,
Все поле трупами пестреет,
И через несколько минут

Нас пулемет соседний сбреет.
– Картечь, картечь! – Уже замки
Дают отказ и заедают,
Уже голодные штыки
О чем-то жребии гадают, —
Но вдруг из ближнего леска
Как будто холодком пахнуло,
И чья-то чуждая рука
Прикладом сломанным взмахнула,
Кольцом торжественно блеснула,
И грудь моя исподтишка
Глотнула ветер – и вздохнула...
Летит уланский эскадрон,
Атака дочиста отбита,
И, заглушая боль и стон,
Смех обступил со всех сторон —
И смерть до вечера забыта.
Иду и воздух пью сосновый,
Считаю листья на сучках,
Лазурь томится в облаках
Весной неповторимо-новой...
Нет, сердце никогда не билось
С такой блаженной полнотой,
Мой прошлый день – лишь сон пустой,
В нем смерть моя – еще не снилась.

1937

Стихи к Пушкину

1

Не спится мне. Не знаю почему —
Лежу всю ночь и комкаю подушки,
Всю ночь гляжу в изменчивую тьму
И вот – из тьмы ко мне приходит Пушкин.
– Скакал всю ночь, цыганская судьба.
Он бросил плащ и улыбнулся хмуро.
– На сорок верст случайная изба,
– Но даже в ней жандармы и цензура.
О, легкий взлет горячечной мечты, —
Мне сладостно в жестокой лихорадке
Запоминать и смуглые черты,
И разговор, текущий в беспорядке.
– Берлин? Еще бы; так и в старину,
– Российской музе странствовать не внове,
– И я свершил прогулку не одну,
– Был и Кавказ, и служба в Кишиневе. —

Стучат часы. Бессонница и бред,
Ползет рассвет, медлительный и скучный —
Уж колокольчик замер однозвучный,
И в коридоре топает сосед.

2

Шарлоттенбург, Курфюрстендам, – не верю, —
Я выдумал, проснись и не пойму. —
Спой песенку, задумчивая Мэри,
Как пела Дженни другу своему. —
Блестит асфальт. Бессонница как птица,
Во мглу витрин закинула крыло, —
Вон, в зеркале, бледнеет и томится
Еще одно поникшее чело.
За ним – другой. Насмешливый повеса,
Иль призрак ночи, иль убийца? Что ж,
Когда поэт на Пушкина похож,
То тень его похожа на Дантеса.

3

Немудрено. Ведь рифма не в фаворе,
На почтовых и думай, и строчи – —
В фельдъегеря поэта! Поскачи, —
В Сибирь, к цыганам, к немцам, – что за горе?
Так исстари. Такая участь наша,
И умереть спокойно не дадут;
Лет через сто – потомков правый суд,
А в настоящем – ссылки да Наташа.
Гони, ямщик. Добраться б до корчмы,
Лучину вздуть и переправить строки.
Уже метель запела о Пророке,
И ветер жжет лобзанием Чумы.

4

Час замыслов. Работа бьет ключом.
Час поздний муз. Скрипят тихонько двери.
Косая тень склонилась над плечом, —
Он снова здесь, задумчивый Сальери.
Вошел – и замер. Чопорный сюртук
Без пятнышка, перчатки без изъяна;
В глазах – зима. Но в нервном взлете рук
Вся музыка, все ритмы Дон Жуана. —

– Поймете ль Вы?
– О, знаю, он поймет,
Но не простит. Плотней задернет шторы
И с нежностью, с отчаяньем вольет
В напиток мой последний дар Изоры.

5

Да, им легко. Одна забота —
На сердце наложить печать,
В минуту гнева промолчать,
Друг в друге вызывать зевоту.
Несложный круг, пустое дело,
И даже солью клеветы
Не сдобрить пресной пустоты,
Что этим миром овладела.
Но если изредка, случайно,
К ним ветер гостя занесет,
Чья речь звучит необычайно,
Чей взор глядит с иных высот,
Чей путь проходит стороною,
Поближе к безднам и звездам, —
Какая ненависть волною
Вскипает по его следам!
И если он слегка запнется,
Смутится яростной молвой, —
Какая буря пронесется
Над обреченной головой!
Поэт. Клонясь над водопадом,
Не пей обманчивой струи,
Но утоли змеиным ядом
Уста засохшие твои.
От колыбели до могилы
К горчайшим ядам привыкай
И все, что лживым взорам мило,
Правдивым взором не ласкай.
Беги людей. Не их судьбою
Живет твой одинокий стих;
Лохмотья жалких риз твоих
Пусть делят музы меж собою.

6

Гляжу на смуглые черты,
На чуть приплюснутые губы — —
Быть может, север слишком грубо

Не ценит южной красоты.
О, как пленительно глядят
Глаза из-под бровей широких,
Какой живой и умный яд
Обжег морщинистые щеки —
Должно быть, правда, тяжело
Стремиться к тропику родному,
Склоняя жаркое чело
Навстречу ветру ледяному.
Любовь двойная жестока,
Кто вынесет любовь двойную?
Нева прекрасна, но близка, —
Мечта творит Неву иную.
Сердцам ленивым красота
И не нужна, и не доступна,
Затем – высокая мечта
Всегда чужда, всегда преступна.
Они дарят свою любовь
Лишь мертвецам, и нет им дела,
Что ими пролитая кровь
Давно к любви их охладела.
Все те же мы. И так же лгут
Уста холодные и злые,
И так же мало сердце жгут
Нам осуждения былые.
Мы не прощаем, не простим,
Нам ненавистен лик поэта,
Мы из притворства погрустим,
Но не опустим пистолета.

Стихи о вдове¹

Под вдовьим покрывалом черным
Она – как слабая трава,
Лишь локон с торжеством упорным
Хранит забытые права.
Лишь ветерок легко вздыхает
На хрупком трауре плеча,
И вся она благоухает,

¹ В «Каменном госте» Пушкин (до него и другие) привел дон-Жуана перед его гибелью к вдове (донна-Анна). Рассуждая отвлеченно, дон-Жуан мог бы погибнуть и в другом положении, напр. у Лауры (там ведь тоже произошла дуэль). Почему же именно вдова оказалась последним увлечением дон-Жуана? Не потому ли, что Пушкин (скажем просто поэт) чувствовал, что из всех женщин, в плане метафизическом, вдова является существом особым? Что она уже в себе самой носит отраженный свет смерти? Т. е. раз речь идет о каком-то трагическом столкновении двух миров («двух бездн»), то вдова как бы является живой связью между этими мирами, живой носительницей того начала, которое оба эти мира проникает. Потому (для дон-Жуана) особая и «влекущая сила» с особой полнотой воплощена именно во вдове. Я уверен, что Пушкин не думал об этом, но также уверен, что образ донны-Анны-вдовы – не случаен в творчестве. Тут было что-то «подсознательное». Я сначала написал стихи, а потом уже вспомнил о Пушкине, но, думается мне, Пушкин подтверждает правильность моей «установки». *Из письма В. Л. Корвин-Пиотровского жене.*

Как погребальная свеча.
Но сердце наше не как прежде,
Движеньем новым смущено, —
Она любила, ей дано
Любить в монашеской одежде.
И в ревности к былым мечтам,
Румянящим ее ланиты,
Отрадно мыслить мне: он там,
Ты предана, ты им забыта.
Я не люблю. Но может быть, —
Живое чувство сокровенно — —
Еще я мог бы полюбить
И преданно, и вдохновенно.
Но светлую судьбу твою
Не наша воля омрачила,
Но в призрачном твоём краю
Ты жребий свой не нам вручила.
Поникшая на рубеже
Двух бездн, враждующих от века,
Ты стала символом уже
Двух назначений человека.
Какая вечность над тобой,
Какие тайные внушенья?
Твой каждый день, твой час любой —
Связь творчества и разрушенья.
А я, моя земная кровь,
Томлюсь и нежностью и страхом, —
Я жду, не улыбнутся ль вновь
Глаза, склоненные над прахом.

Десятый круг

– И я сошел безмолвно и угрюмо
В десятый круг. Там не было огней,
Был воздух чист. Лишь где-то меж камней
Мертво блуждали шорохи и шумы.
Вотще смотрел я напряженным взором
По сторонам, – ни крючьев, ни смолы
Я не нашел в прохладном царстве мглы.
Здесь ад казался просто коридором.
Под сводами готическими строго
Клубился мрак. Искусная резьба
Венчала медь граненого столба,
Давившего в железный брус порога.
Но, отойдя подальше в глубину,
Заметил я во впадинах гранита
Квадратные окованные плиты.

То были двери, – я нажал одну.
Учтивый бес помог мне неохотно,
Робел ли он? Не знаю. Тяжело
Плита осела. Бледное стекло
Высокий вход затягивало плотно.
Как в зеркале предстали предо мной
Две плоскости, – паркет оледенелый
И потолок, однообразно белый, —
Два зеркала с потухшей глубиной.
В потоке жидком неживого света,
Там чья-то тень, похожая на сон,
Брела понуро. – Тише, это он, —
Шепнул мне бес, и я узнал Поэта.
Затерянный в жестокой тишине,
Он бредил вслух божественным размером,
Но на челе его, как пепел сером,
Жар музыки чумой казался мне.
Порой как будто рядом проплывала
Другая тень. Тогда его рука
Вздымалась бурно, нежная строка
Звенела четким голосом металла.
Но нет, но нет. Невидимые стены
На горизонте замыкали круг,
Здесь умирал без эха каждый звук,
И были все созвучия – мгновенны.
Его стихи струились в пустоту,
Легко скользя по чертежу паркета, —
Когда же грань насквозь была пропета,
Она молчаньем жалила пята.
Так он бродил, без цели и отрады,
Не услаждая слуха ничьего,
И распадалось творчество его
На ребусы немые и шарады.
И понял я. И тайно содрогнулся,
Прижался к бесу в страхе и тоске —
Он запечатал скважину в замке,
Поморщился и криво улыбнулся.

Париж 1939-1960

* * *

Не надо вечности. Томится
Бессмертием душа моя,
Она не хочет и боится

Повторной муки бытия.
Как будто знает знаньем смутным,
Что ничего страшнее нет,
Чем этот в нашем сне минутном
Почти неразличимый свет.
Из поколений в поколенья
Она измену и любовь,
Их ложь и блеск, прощает вновь
За право самоистребленья.
1939

* * *

Влюбленных парочек шаги
Мотив столетний выбивают,
Правдоподобные враги
Друг друга шпагой убивают.
Кругом поэты собрались
В дрянных плащах, в дырявых шляпах, —
Рифмуют брань, рифмуют запах, —
Они совсем перепились — —
И, розой скомканной играя,
Красотка из монастыря
Зовёт на помощь, умирая
В лучах кривого фонаря.
И медленно из-за угла,
От полусгнившего фонтана,
Тень жулика иль д'Артаньяна
Заносчиво к ним подошла.
Тень черная на фоне рыжем
С боков отчетливо видна, —
Над романтическим Парижем
Средневековая луна.
Мой друг, скорее на коней!
Лишь звон и гром вдоль улиц сонных,
Во весь опор в страну влюбленных, —
Гони сильнее, гони сильнее!

* * *

Дырявый зонт перекосялся ниже,
Плащ отсырел, намокли башмаки.
Бурлит фонтан. Весенний дождь в Париже, —
И девушке не избежать руки
Еще чужой, еще немного страшной, —
Она грустит и отступает прочь, —

И с лесенкой фонарщик бесшабашный
Их обогнал, и наступила ночь.
Сгущая мрак над улочкой старинной,
Бесцветные, как рыбы пузыри,
Висят цепочкой тонкой и недлинной
Ненужные влюбленным фонари.
Всю ночь шумят деревья в Тюльери,
Всю ночь вздыхают где-то на Неглинной.

* * *

Всю ночь парижская весна
Исходит сыростью и мглою,
Внизу неслышная волна
Как бы подернута золою.
Легко качаются дома,
Река туманом затянулась, —
Ты наклонилась и сама
Моей руки почти коснулась.
Что скажешь, мой неверный друг?
Ночная мгла к устам прильнула,
Ночная тьма порочный круг
До безнадежности сомкнула.
И что отвечу? На мосту
Меж двух разлук, меж двух прощаний?
Погасит ветер на лету
Слова напрасных обещаний — —
Еще творим судьбу одну,
Одним дыханьем жадно дышим,
Но розно видим, розно слышим
В тумане вставшую волну.

1939

* * *

Ты будешь помнить ветер встречный,
Парижских улиц фонари,
Любовь, что длилась до зари,
Прошла с зарей и стала вечной.
Самой себе наперекор
(Быть может, только в грезе сонной)
Услышишь ты свой плач влюбленный,
Увидишь пристальный мой взор.
О, не напрасно на прощанье
Ты ожила иль умерла, —
Я взял лишь имени звучанье,

Взамен оставил два крыла.
Лети! Пускай другим навстречу
Лети, – пускай к чужой судьбе, —
На всех дорогах я отвечу
Знакомым голосом тебе.
И будут сны мои твоими —
В моей стране забвенья нет, —
Лишь ослепительное имя,
Лишь оглушительный рассвет.

1939

* * *

Твоя ленивая вражда
Почти похожа на участие,
Но тайно мыслишь иногда, —
Моя беда, мое несчастье.
И долго смотришь на меня
С нетерпеливым раздраженьем,
И мстишь открытым униженьем
За блеск утраченного дня.
Все бывшее небывшим стало,
Болотным паром изошло, —
Ничто души не потрясло,
Привычных чувств не надорвало.
Ни перемен, ни новизны,
Весь мир как бы подернут скукой, —
Мы равнодушно, без вины,
Прощаемся перед разлукой.
Нет, не любовь, – мечта о ней,
Томительная неудача,
Но сердце тем щемит больней,
Чем меньше жалобы и плача.
Увы, меж площадных зевак
Мы жить хотим не очень сложно,
И любим мы – неосторожно,
И ненавидим – кое-как.

1939

* * *

Бродяга праздный на мосту
Окурка жаркого не бросит,
Не брызнет искра в темноту,
Прохожий имени не спросит.
Обозначений и примет

Не жду и не хочу, пожалуй. —
Простой вопрос, простой ответ,
Нечастый дождь и ветер вялый — —
Но, Боже мой, как все не то,
Как все навек непоправимо!
Твое лицо, твоё пальто,
Твои ладони — мимо, мимо — —

1939

* * *

Бредет прохожий спотыкаясь,
Хохочет женщина спьяна, —
В широкой луже, растекаясь,
Ночь мутная отражена —
Но так сверкает нестерпимо
Мне видимая высота, —
Что я склоняюсь (мимо, мимо) —
Над черным выступом моста — —
И медленно, без напряженья,
Заламываю руки я,
Как бы для взлета иль круженья
Над этим дымом бытия.
И прочь летят, как ветер встречный,
Как вышина и глубина, —
И женский крик, и мрак заречный,
И все земные имена. — —
Мне все равно, что завтра будет
При лгущем освещеньи дня,
И кто полюбит (иль забудет)
Мое паденье и меня.

1940

* * *

Прощальной нежностью не скоро
Согрею слабую ладонь, —
Цветы жестокие раздора
Губами легкими не тронь.
Они не сыростью веселой,
Не ранней свежестью полны, —
В стекле туманном стебель голый
Без запаха и без весны.
К утру они дышать устанут,
Свернутся в безобразный жгут
И потускнеют и увянут

И белым снегом опадут.
Случайный ветер их развеет,
И даже мертвая рука
Не оживит и не согреет
Души заклётого цветка.

* * *

Крикливых дачниц голоса
В сосновой чаще отшумели,
Лежу и слушаю. Оса
Кружится надо мной без цели.
В лицо струится синева,
Весенний дым в ресницах тает,
Сквозь тело легкое трава
Почти неслышно прорастает.
Все трепеты и все влеченья
Уже проходят сквозь меня,
И жар небесного огня,
И лед подземного течения.
Деревья густо оплели
Меня пушистыми корнями, —
Так длится день, и дни за днями,
Так длится музыка земли.
И в мире этом, в этом сне,
И непробудном и глубоком,
Где стала мысль зеленым соком,
Живая вечность снится мне.

1939

* * *

Моих разомкнутых ресниц
Далекий полдень не тревожит
И разбудить меня не может
Гортанный говор горных птиц.
Меж пальцев скупое прорастает
Пучками жесткими трава,
Лавина снежная едва
Меня касается и тает.
Ни образов, ни сновидений
Моей пустыне не дано,
Все чуждо мне, и все равно
Не возбуждает сожалений.
Когда ко мне слетаешь ты
С раскаяньем и со слезами,

Гляжу незрячими глазами
Я на забытые черты.
Моей Тамары легкокрылой,
Моей княжны, не узнаю, —
Лишь смутно слышу голос милый
И клятву робкую твою.
Я скован каменной громадой,
Я сплю, – и горные ручьи
Забвеньем дышат и прохладой
В уста безмолвные мои.

1940

* * *

Покрыта лужица ледком,
Но каплет с крыши понемногу – —
Готовясь в дальнюю дорогу
Душа не плачет ни о ком.
Земли бывшие искушенья
Как утренний ледок дробя,
Я весь во власти отрешенья
И от земли, и от себя.
Гляжу как бы прозревшим оком
На скудный городской рассвет
И знаю: в холоде высоком
Ни мести, ни прощенья нет.
Лишь тучу ветер в небе гонит,
Мерцает поздняя луна
И, как неверная жена,
Лик помутневший долу клонит.

1940

* * *

На дымный луг, на дол холмистый,
На дальние разливы рек,
На облако в лазури чистой
Гляжу из-под тяжелых век.
И душу подозренье гложет,
С холодным борется умом – —
За этой рощею, быть может?
За этим, может быть, холмом? —
Там, там, где ельник синеватый
Возник зубчатою стеной,
Занес впервые страж крылатый
Свой грозный пламень надо мной...

С тех пор изгнаннику не надо
Ни райских, ни иных цепей,
Душа на все теперь скупей
И даже мудрости не рада.
Давно довольствуясь судьбою,
Свободно жребий мой влачу
И больше спорить не хочу
Ни с ангелами, ни с собою.
Пусть светит день, растет трава,
Я ни о чем не сожалею, —
Я знаю, – райские права
Земных бесправий тяжелее.
Но всюду, где, как в оны дни,
Земля цветет красой, тревожно, —
Я ставлю ногу осторожно,
Боясь лукавой западни.
Я ничего не забываю,
Но тяжбы с прошлым не веду,
Я равнодушно, на ходу,
Мое бессмертье изживаю.

1940

* * *

Какой свободы ты хотела,
Когда, страдая вновь и вновь,
Ты трепетала и летела
И падала, моя любовь?
Забудь сердечные преданья,
Смотри, как льется млечный свет, —
Там в колыбели мирозданья
Ни смерти, ни бессмертья нет.
Все связано и подчиненно,
И та звезда, и солнце то
В высоком рабстве неуклонно
Бегут в начальное ничто.
Именованье до рожденья, —
И чье бы имя ни взошло —
Ни выбора, ни принужденья,
Но неизбежность. Но число.
Все домыслы и все гаданья
К одной разгадке приведут:
Свободы нет ни там, ни тут,
Моя любовь, мои страданья – —

1943

* * *

Струится солнце вдоль ствола,
Шумит в лазурь листва густая,
А у корней кольцом легла,
Свернула крылья, замерла
Змея пурпурно-золотая.
Ей снятся чахлые сады,
Колючий снег в пустыне горной,
И в пропасти туманно-черной
Глухие выкрики беды.
Все, чем земля заражена,
Что тяжело наружу рвется,
Во тьме пророческого сна,
Как сердце, судорожно бьется.
Клокочущая пена зла
Всползает, как по трубам тесным,
По узким скважинам древесным,
По жилам вздувшимся ствола.
И, округляясь в море света,
Таинственный огромный плод
Подрагивает и вот-вот,
Как яблоко или планета,
К змеиным крыльям упадет.
Он упадет и разобьется, —
Скорей же рви его, сорви, —
Пусть боль болит, и смех смеется,
Пусть горла тонкого коснется
Неотвратимый нож любви.

1944

Трубочист

На крыше острой, за трубой
О чем-то трубочист болтает,
Над ним небесный шар взлетает
Легчайшей птицей голубой,
Щебечет ласточкой веселой
Иль жаворонком в высоте, —
И запад синевой тяжелой
Дрожит на радужном хвосте,
А из трубы, как бы с разгону,
Прямая пальма вознесла
Свою ветвистую корону
На дымном золоте ствола.
Под ней все тени золотисты,

Ручей прозрачен и глубок,
И щедро греет трубочиста
Ладонью пламенный восток.
Пусть так, пусть так. Домохозяин
Давно сомненьями объят, —
Его преследует набат
Крикливых, городских окраин.
Зачем безумец наверху
Мешает миру голубому
Как звонкогривому стиху,
Гулять по розовому дому?
От малой спички восковой
Душа могла б воспламениться
И так же тяжело, как птица,
Лететь за радугой кривой.

1944

* * *

Решеткой сдавлено окно
(Так душат жертву ночью черной),
В стене угрюмой и упорной
Полупрозрачное пятно.
Там жметесь мир белесоватый,
Одетый в сумерки и мглу
В нем солнце желто-бурой ватой
Прилипло к мутному стеклу.
Деревья, облака и поле,
Все, что шумит в свободном сне,
Обезьязычено в неволе
В замазанном моем окне.
Но, рабством длительным наскуча,
Я углем на стене тайком
Рисую море, лес и тучу,
Ладью на берегу морском.
Я долго дую в парус белый,
И вот – бежит моя ладья, —
Счастливый путь, кораблик смелый,
За счастьем отправляюсь я.
И снова мир прозрачный дышит
В текучих водах и песках,
И ветер радугу колышет
В живых, гремучих облаках.
Морской лазурью воздух тронут,
Кипит веселая корма,
И в белой пене тонут, тонут
Окно, решетка и тюрьма.

1944

Тюрьма Френ

* * *

В тюрьме моей, во мраке черном,
Лежу и не смыкаю глаз,
А время молотом упорным
Дробит мой умывальный таз.
Я тяжких капель не считаю,
Двойного ритма не ловлю, —
Я в полночи иной мечтаю,
Я в вечности иной люблю.
Непроницаемой стеною
Мир от меня отъединен,
Но в крупных звездах надо мною
Творится новый небосклон.
И бестелесной плотью чистой
Я рею в голубом луче,
И солнце розой золотистой
Сверкает на моем плече.

1944

Тюрьма Френ

* * *

По ветра прихоти случайной
Вкруг оголенного ствола
Кружись, душа, в погоне тайной
За тем, чего не обрела.
И в диком шуме непогоды
Сквозь эти сучья и кусты,
Быть может, вдруг услышишь ты
Внезапный вопль такой свободы,
Такой жестокой чистоты...

1945

* * *

Предвестник осени туманной,
В дырявой шляпе всех мастей,
Он покоряет речью странной
Сердца торговки и детей.
Словечки, выходки пустые,

Вся жизнь зачала в пустяках, —
Две розы, синью налитые,
Мерцают на его щеках.
Он ловко шелкает мелками
И к удивлению зевак
На тротуаре (натошак)
Выводит даму с завитками,
Гербы, оленей и собак.
Глазеет улица беспечно,
Оценивает мастерство, —
Но, как творец, недолговечно
Земное творчество его.
Цветистой радугой сверкая,
Рожденное из ничего,
Оно влечет, не увлекая,
И, в мертвом мире возникая,
Согласно с миром – и мертво.

1945

* * *

Жестокой верности не надо, —
Оглохший от сердечных гроз,
Я в белый пламень водопада
Бросаю клочья красных роз.
Они летят со звоном странным,
С воздушным шорохом туда,
Где брызжет облаком туманным,
Вскипает горная вода – —
Как этот шум, полна тревоги
Моя невнятная любовь, —
Для горной встречи без дороги
Палатки мирной не готовь.
Мы разойдемся молчаливо
На срыве каменной тропы,
И первый ветер торопливо
Сметет и розы и шипы.
Мы станем вновь, чем прежде были, —
Ты – слабым лепетом ручья,
Столбом гремучим брызг и пыли
В пустом ущелье стану я.

1946

* * *

В раю холмистом, меж сиреней,

Печаль, томленье и лазурь,
Земля во власти испарений
Еще полудремотных бурь.
И я, травы не приминая,
Спешу к негромкому ручью, —
Мое крыло – волна льняная,
Я ношу легкую мою
Со вздохом ветру отдаю.
Лечу бесплотный, невесомый,
Вновь звездоокий, и скорблю, —
Зачем я здесь, зачем я дома?
Зачем я рая не люблю?
Зачем в душе одно виденье,
Один лишь сон, из года в год, —
В листве зеленой жаркий плод
Готовит тяжкое паденье – —
Под эхо гор, под грохот вод
Мое свершится пробужденье.

1946

* * *

Я вам признался, против правил,
Что молодость не снится мне,
Что я в любви порой лукавил,
Любил и жил как бы вчерне – —
Не грустно ль вам, моя забота,
От слова, сказанного зря?
Где чувств начальных позолота,
Любви высокая заря?
Без умысла иль шутки ради
Вы нежно тронули рукой
Волос седеющие пряди
Над увядающей щекой.
И от невольного движенья
(Как будто пронесли свечу)
Припавши к вашему плечу
Я тишины не замечаю,
Пусть, каждый про себя хранит, —
Вы наливаете мне чаю,
И ложечка звенит, звенит – —

* * *

Упала чашка с тонким звоном,
Хрустят осколки на полу.

(Ах, в нашем мире все с наклоном.)
Стекает жидкость по столу.
День разрушенья. Пылью серой
Все наши чувства легли, —
Но если мерить полной мерой,
Но если на краю земли,
На самом полюсе, быть может,
В гиперборейской простоте,
Где даже верность не тревожит,
Где все не то, и мы не те,
Где музыка дугой огромной
Небесный подпирает свод, —
Могли бы мы? Хотя бы скромной,
Привычной, нежной, – круглый год,
До старости, до смерти самой,
До полной седины земли, —
Могли бы мы? Простой, упрямой, —
Как любят все, как все могли – —

Вальс

А, вальс Шопена – – Нотный лист
В слезах чернильных и чахотке – —
Высок Париж, и воздух чист, —
Повисла роза на решетке.
Печаль на Люксембургский сад
Глядит поломанной игрушкой,
И сторож развлекаться рад
Провинциальной погремушкой.
По-польски в нежной синеве
Фонтан вполголоса болтает,
Ребенок ласковый в траве
Покашливает и мечтает.
Седой старик следит за ним
С лицом неумолимой славы,
И борода его как дым
Разбитой пушками Варшавы.
Проснулась музыка в окне,
Слетает в мир рояль крылатый,
Час сумеречный в тишине
Склоняет профиль виноватый,
А, вальс Шопена – – Я молчу, —
Но ты запела, ты припала
К его любви, к его плечу – —
Ты от любви моей устала.

* * *

С плащом и палкой кое-как
Повесил сердце я в прихожей,
И вот вхожу, на всех похожий,
Зевака праздный средь зевак.
Сажу в гостях за чашкой чая,
Платочек даме подаю.
И вдруг со страхом замечаю
Под дверью темную струю.
За дверью горничная бродит,
След затирает на полу —
Не сердце ль кровью там исходит
В затоптанном чужом углу?
О, как ты мог? Уйди отсюда,
Стул по дороге отшвырни,
Беги, мечтательный Иуда,
Пока не поняли они.
На улице столбом тяжелым
Гуляет дождь, колотит град, —
Деревья на бульваре голом
Бушуют с бурей не попад — —
Дыши, — вбирай в себя глотками
Широкий ветер всех дорог,
Живи громами иль веками, —
О, как ты мог! О, как ты мог!

1952

* * *

Мой вечер тих. Невидимых ветвей
Невнятный шорох следует за мною,
Воспоминая робкий соловей
Вполголоса томится за спиною.
Я не вздохну. Неосторожный жест
Нарушит, может быть, очарованье, —
Офелия, как много в мире мест,
Где назначают призраку свиданье.
Меж двух домов беззвездная река,
В ней грозный факел отражен тревожно,
А ты плывешь, как облако легка,
Как водоросль слаба и невозможна.
О, ты плывешь, в бессмертье заперта,
За четырьмя замками иль веками, —
Лишь с фонарей венчальная фата
Летит в лицо туманными клоками.

Поет тростник на темном берегу,
Дает сигнал к отплытию, и скоро
Я дымную звезду мою зажгу
Над рухнувшей твердыней Эльсинора — —
И вот сосед, мечтательно жуя,
Проветриться выходит после чаю, —
— Да, это ночь, — он говорит, и я
— Да, это ночь, — как эхо отвечаю.

1953

* * *

Король глядел без удивленья,
Как сброд слонялся по дворам,
И низложение грозной тенью
За ним ступало по коврам.
В пустынном зале, за колонной,
От изменившего штыка
Он пал, надменный и влюбленный
И одураченный слегка.
Тогда четыре капитана
Труп завернули в черный флаг
И, важный замедляя шаг,
На башню, полную тумана,
Взнесли высокомерный прах.
Четыре факела багрово
Прорвали северную тьму
И трубы хриплые сурово
Отдали почести ему.
Ночь призраку салютовала
Из тяжелой пушки на валу
И розой молния упала
На потрясенную скалу — —
Что перед натиском потока
Людские бедные права?
Жизнь так слаба и одинока,
Так перед смертью не права — —
И очарованный разрядом
Беды иль славы, сам не свой,
Вихрастый мальчик диким взглядом
Следил за вспышкой огневой.

* * *

Леди Макбет в темной ложе
Рвет перчатку и молчит,

А на сцене, так похоже,
Сердце громкое стучит.
Оглушенная духами,
Как наездница хлыстом,
Леди стынет под мехами,
Зябнет в облаке густом.
В пламя осени багряной
Воткнут гребень роговой,
С гор Шотландии туманной
Мчится ветер бредовой.
И когда кровавой тенью
Сцена вдруг омрачена,
Вновь как буре преступленью
Доверяется она.
Я люблю без состраданья,
Я без горечи ловлю
Нежный запах увяданья
Той, кого еще люблю.
Ложью чувств не отравляю,
Но заботливо опять
Ей над бровью поправляю
Разметавшуюся прядь.
И, клонясь на взор тревожный,
Словно в омут, я молчу,
С совестью неосторожной
Поздней встречи не хочу.

1953

* * *

За кружкой пива дремлет повар,
Колпак надвинут до бровей, —
А в черном небе шумный говор
По ветру пущенных ветвей.
Он тяжело дремлет и не знает,
Как гнутся звонкие стволы,
Как мрак играющий пятнает
Его крахмальные столы.
Вот хлынул ливень. Мокрым флагом
Метнулась бабочка в окне,
И молния большим зигзагом
На миг повисла в стороне.
Глотая ужин неприметный,
Я поднимаю воротник, —
Я слушаю, как гром ответный
Над дальним грохотом возник.
Поспешно шляпу нахлобуча,

Я убегая в мир ночной,
И плащ растерзанный иль туча
Клубится низко надо мной.
Дождя летучие простыни
Трещат и рвутся в темноте, —
Дыханье бури и пустыни
В многоголосой высоте.
И, широко раскинув руки,
Я сердцем оживаю вновь, —
Так после длительной разлуки
Встречают первую любовь.

1953

* * *

День завершен, как следует, как надо, —
Не хуже прочих календарных дней, —
Я ухожу из пасмурного сада
Без горечи, но, может быть, грустней.
У выхода поскрипывают глухо
Два дерева в последнем свете дня, —
Из всех прельщений памяти и слуха
Лишь этот звук доходит до меня.
На улицах темнеет понемногу,
Блеснул фонарь мечтательно, и вот —
Лег черной тенью на мою дорогу
Узор географических широт.
Меридиан таинственной чертою
Их пересек, слегка наискосок, —
О, как хрустит под медленной пятою
Туманами пропитанный песок!
И в шорохе ночного приближенья
Я различаю дальнюю струну,
Ночной земли бессонные движенья,
Земной полет в ночную глубину.
Старинный мрак взволнованно и страстно
Глушит бродяг невнятные слова,
И дрожь витрин несмело и напрасно
Мне радугой летит на рукава.

1953

* * *

Над дверью вычурной фонарь
Сворачивает в ветер шею,
Табачный дым, лесная гарь —

Не разобрать, что там за нею.
Старинной улицы мечта
Румянцем новым подогрета,
Но так чиста, но так чиста
На мостовой полоска света. — —
И, спотыкаясь на ходу,
В порыве дружбы откровенной,
Проходим вслух белиберду
Старик читает вдохновенный.
Его неверная рука
Подчеркивает ритм убогий,
Бездарный стих издалека
Чахоткой пахнет и берлогой.
О, ты завидуешь ему
Его с рожденья мертвой славе, —
Ступай за ним. В притон, в тюрьму,
Навстречу драке и облаве.
Скорей безумца догони, —
И если он тебя прогонит,
Столб телеграфный обними,
И столб в ответ тебе застонет.

1955

Туман

1

На Эйфелевой башне флаг
Уже неразличим в тумане.
Я снова замедляю шаг,
Ощупываю ключ в кармане.
Молчаньем влажным на меня
Тускнеющая Сена веет.
Тень вечеряющего дня
Меня сметает и жалеет.
Но в одиночестве моем
Я не забыт и не оставлен —
Я с этой башнею вдвоем
Речным туманом обезглавлен...
Иду и листьями шуршу,
В воде их провожаю взглядом,
И новым счастьем не спешу
Встревожить то, что дышит рядом.

2

Туманной ночью вдоль канала
Бреду без цели, не спеша,
И кажется мне: вдруг устала
Под легким пиджаком душа.
Вся жизнь моя за мной шагает,
И каждый год – как эта тень,
Что отстает иль забегает,
Но все со мною, ночь и день.
Я провожатых не считаю,
И одинокий, как туман,
Лишь напеваю и мечтаю
О корабле из дальних стран.
И сырость мартовская нежно
Мне грудь и плечи серебрит.
И так печально, так прилежно
Фонарь на площади горит...

3

Во всех садах приглушены,
Оголены деревья снова.
Дома и улицы черны,
Нигде ни возгласа, ни слова.
На фонарях висит туман
Иль чахнут розы дождевые.
На старой площади фонтан
Решетки сторожит кривые.
Пустынной ночи тишина,
Пустынное очарованье...
За шторой каждого окна —
Предчувствие иль расставанье...
Я тяжбы с прошлым не веду,
Не упрекаю, не вздыхаю —
Гляжу на дальнюю звезду;
И отдыхаю. Отдыхаю.

Воздушный змей

Моей жене

* * *

Стоим, обвеянные снами
(Так молча сердце отдают),
И камни пыльные под нами —
Как птицы райские поют.
Нас тесно обступили люди,
И чей-то хрипловатый бас
Толкует о поддельном чуде,
О суеверье и о нас.
Но грубых окриков не слыша,
Мы видим небо над собой,
И вдруг – летим. Все выше, выше,
В эфир прозрачно-голубой.
И в восхождении высоком
С воздушно-солнечных дорог
Глядим, уже бессмертным, оком
На тех, кто улететь не мог.

1944

Воздушный змей

Змей уходил под облака
(Так в высоте душа летала),
Нить гнулась, дергала слегка
(Как бы звала издалека),
Воздушной жизнью трепетала.
Я небо осязал рукой,
Его упругое течение, —
Постиг лазури назначение,
Ее двусмысленный покой.
Вдруг что-то лопнуло. Беда
Открылась разуму не сразу —
Еще бумажная звезда,
Катясь, взлетала иногда, —
Лгала неопытному глазу.
Змей падал, падал — меж домов,
Меж разных вычурных строений, —
Нравоучение без слов
Для праздных городских умов,
Для внеслужебных настроений.
Я горестно смотрел туда,
Привычно строил наблюдения,
И вся воздушная среда
Как бы ждала его паденья.
Не закрепленный бечевой,
Он странным телом инородным
(Каким-то пьяницей свободным)
Скитался в синеве живой, —

Быть может, ангелом безродным
Летел по ломаной кривой.

1944

* * *

В трубе большого телескопа
Ученый высмотрел звезду;
Ее маршрут – Земля, Европа.
И вот она в большом саду.
Прелестный шар голубоватый,
Еще в космической пыли,
На нем узор замысловатый
Морей прозрачных и земли,
В пустынной бухте – корабли.
Сбежались дети, закричали
На сотни разных голосов, —
Им няньки строго запрещали
Касаться странных парусов.
И нехотя смотрел на это
Расстроенный городской, —
Меж роз поломанных – планета
Блестит свежей синевой – —
Тогда старуха-от-уборной
Из выскобленного угла,
Прихрамывая, птицей черной
К планете чуждой подошла.
Мигнула выцветшей ресницей
И на глазах у детворы
Вдруг тыкнула вязальной спицей
В склон огнедышащей горы.
Шар дрогнул в пламени лазурном,
Рванулся, откатнулся прочь, —
И между солнцем и Сатурном
Надолго воцарилась ночь.

1944

Двойник

Весенний ливень неумелый,
От частых молний днем темно,
И облака сирени белой
Влетают с грохотом в окно.
Земля расколота снаружи,
Сосредоточена внутри, —
Танцуют в темно-синей луже

И лопаются пузыри.
И вдруг, законы нарушая,
Один из них растет, растет,
И аркой радуга большая
Внутри его уже цветет.
Освобождаясь понемногу
От вязкой почвы и воды,
Он выплывает на дорогу,
Плывет в бурлящие сады.
И на корме его высокой
Под флагом трепетным возник
Виденьем светлым иль морокой
Мой неопознанный двойник.
Я рвусь к нему, но он не слышит,
Что я вослед ему кричу, —
Под ним сирень как море дышит,
В своих волнах его колышет
И влажно хлещет по плечу.

1944

Очки

На письменном столе блистают
Очки в оправе роговой,
Там люди весело взлетают
И падают вниз головой.
Там плещется окно цветное,
И дверь косая, как крыло,
Законам физики назло,
В пространство выгнута иное.
Лучистая цветет среда
Меж нами и заветной дверью, —
Взойдем (иль спустимся) туда,
Навстречу снам и суеверью.
Там ярко оперенный змей,
Предчувствуя грехопаденье,
Покажет чудное виденье
Душе взволнованной твоей.
И в жарком фокусе стекла
Возникнет лик знакомо-странный,
И ваза посреди стола
С букетом зелени туманной, —
И кресло, крытое чехлом,
На спинке тронутое молью, —
Мир, переполненный теплом,
Любовью и привычным злом,
Весь освященный нашей болью.

1944

* * *

На пыльной площади парад,
Все улицы полны народа, —
Весенний ветер и свобода
В пустынный удалились сад.
Там полдень в синеве прохлады
Горстями солнце раздает,
Он весь щебечет и поет
От карусели до эстрады.
Он мачту белую свою
Украсил флагом горделивым,
Он, как разбитую ладью,
Качает утлую скамью
С каким-то пьяницей счастливым.
И вдруг подхваченный волной,
Слегка скрипя на поворотах,
Сад уплывает в мир иной,
Лежащий на иных широтах.
И, различимые едва,
Земли невидимой предтечи,
Дымятся, как большие свечи,
На горизонте острова.
Предчувствуя их приближенье,
Бродяга открывает глаз;
Его смущает, в первый раз,
Морское головокруженье.
Мир непривычно изменен,
Ветвистый мрак струится рядом — —
Над медленно-шумящим садом
Таинственный проходит сон.

1944

Фрегат

На рынке, пестром и крылатом,
Где в синем воздухе весны
Торгуют луком и салатом
И наскоро пекут блины, —
Цветя багдадскими коврами,
С отметкой паспортной — пират, —
Стоит, обточенный ветрами,
Сорокапушечный фрегат.
И, скаля солнечные зубы

(Их каждый был бы рад украсть),
Матросы весело и грубо
Поносят городскую власть.
Пожарные на них взирают
Недружелюбно, искоса,
Зевак прохожих оттирают,
Вылавливают голоса, —
И, овладев пространством голым
Между молочной и мясной,
Развязной черни площадной
Грозят жестоким протоколом — —
И, в первый раз за много лет,
Над этим морем говорливым
Седой непризнанный поэт
Почувствовал себя счастливым.
Прельщенный буйной небылицей,
Он из чердачного окна
Не камнем падает, но птицей
Летит в гнездо свое для сна.

1944

* * *

Под вечерок, с женой поджарой,
Банкир гуляет напролом, —
На перекрестке ангел старый
Их робко трогает крылом.
И удивленная немного
Павлинье-радужным пером,
Жена отщелкивает строго:
— Бунтовщикам не подаем.
— Вы верить в Бога не хотели,
— Течение нарушали сфер,
— Как глобус землю вы вертели,
— Ниспровергали и свистели, —
— Вы в ночь, мятежный Люцифер,
— Падучим камнем отлетели.
И муж проямлил кое-как:
— Вы стали тут чернорабочим,
— Вы голодаете. А впрочем — —
Он протянул ему пятак.
Они отходят шагом праздным,
Нарядной обувью стуча,
И в небе мутно-безобразном
Не видят узкого луча.
А вдоль домов уже несется,
Весь в клочьях пены, жеребец, —

Он черной бурей к ним дорвется,
Он их настигнет наконец.
Он туго-кованным копытом
Хрустящий череп обожжет, —
Он задыхается. Он ржет
О мире грозном, но забытом.

1944

* * *

Из подворотенной дыры,
Куда жара не достигает,
Горбун лохматый предлагает
Проходим детские шары.
И шагом медленным, вразвалку
Банкир подходит к горбуну,
Он долго, опершись на палку,
Глядит на пеструю волну.
И вдруг – от перстня до портфеля —
Банкирский дом преображен, —
На мой почтительный поклон
Он морщит брови еле-еле.
Я постигаю, – близ меня
Из крови мутно-тепловатой,
Из мглы сигарного огня
Творится мир замысловатый.
Зажатый в улице пустой
Меж рестораном и аптекой,
Перед банкиром и калекой
Кружится шарик золотой.
Он полон солнечного света,
Он вырастает на лету, —
Звезда цветная иль планета,
Стремящаяся в высоту.
И мы глядим, глядим все трое,
Полуоткрыв по-детски рот,
На это небо голубое,
На этот ангельский полет – —

1944

* * *

В большом шкафу библиотечном,
Где старый глобус накренен,
Где время в мячике беспечном
Оглушено со всех сторон, —

Где покоробленная полка
Философам отведена, —
Ночная бабочка из шелка
Располагается для сна.
На звездный атлас осторожно
Легла, как пурпурная тень, —
И возникает непреложно
В пустынных окнах новый день.
Я крылья складываю тоже,
На вешалку бросаю их,
Теперь они на плащ похожи
Под ворохом одежд моих.
И ты, войдя ко мне дозором
(Так нежность требует твоя),
Отметишь равнодушным взором
Их полустертые края.

1940

Сквозняк

Стаканы в зеркало швыряя,
Звоня осколками стекла,
Сквозняк возник из-за угла, —
Все возмущая, разоряя
(Прием знакомый повторяя),
Он вымел комнату дотла.
О, ветер, ветер! Дверь рвануло
Вон из освищенной глуши, —
Вслед занавеска промелькнула
И, пробкой хлопая, хлестнула
Край взбудораженной души.
И все бумаги без разбора,
Сверкая птичьей белизной,
В косом полете вдоль забора
Переметнулись в мир иной.
А впереди, найдя дорогу
К непоправимым высотам,
Стихи распались по листам, —
(Но ввысь уходят понемногу,
Чтоб затеряться где-то там).

1949

* * *

На землю пала ночь глухая, —
В тени разбитого ствола

Таится ангел, отряхая
Прах с помутневшего крыла.
Он поднял руки, он уходит
От грустных, но привычных мест,
Он взоры к небесам возводит,
Где Млечный Путь и Южный Крест, —
И скорбными следит очами,
Как падает в ночную тьму,
Как бы язвимая лучами,
Душа, внимавшая ему.

1937

* * *

Глядится в зеркало чужак
И видит небо за собою,
И башню с каменной резьбою,
Подвешенную кое-как
Над бездной дымно-голубою.
По горной лестнице, пыля
Дорожной обувью разбитой,
Безмолвно ангел деловитый
Нисходит в тихие поля.
Благословляет день весенний,
Ручей болтливый как всегда,
И пастухов, и их стада,
И дым разрушенных селений, —
Живых и трупы вдоль дорог
(Колосья жатвы неумелой),
Косматый многолетний стог,
И бесприютный череп белый,
Поскрипывающий у ног.
Сойди, вечерняя прохлада,
На все их скорбные дела, —
Здесь нет забвенья, и не надо,
Но глубь земная сберегла
Росток для будущего сада,
Живые соки для ствола.

1947

* * *

Лазурь воскресная чиста,
Все так легко и невесомо, —
Свет бьет из каждого куста,
Из каждой скважины и дома.

Мечтатель в шляпе голубой
Влюбленных провожает взглядом,
Веселые шары гурьбой
Взлетают над притихшим садом.
В упругом воздухе паря,
Они всплывают поплавками,
Вальсируют под облаками,
Иль, новый танец сотворя,
Ввысь устремляются прыжками
(В бессмертье, проще говоря), —
И, лопнув, падают клочками
Наморщенного пузыря.
А мы под зонтиком цветным
За кружкой пива полудремлем,
Табачный отгоняем дым, —
Мы краем слуха сонно внемлем
Невнятным шумам площадным.

1949

Зеркальный мир

Я заблудился ненароком
В зеркальном мире, как в лесу, —
В граненом хрустале высоком,
В таинственном шкафу глубоком
Слежу, почти ослепшим, оком
Зари цветную полосу.
Куда б я ни повел очками,
Везде мой бедный кабинет
Прямолинейными пучками
Иль огненными языками
Весенний отражает свет.
И в этой солнечной купели
Найдя певучую струю,
Я сам сверкаю и пою, —
Не ангел ли я в самом деле
В глухом запущенном раю?
Что, если броситься со страха
В широкое мое окно?
Что, если ангелу дано
Паденье только для размаха,
Для разворота грозных крыл?
Что, если падать он забыл?

1944

Опрокинул чернильницу

Писец, бумаги разбирая,
Задел чернильницу, и вот —
Река без берега и края
Вдоль по столу его течет.
На папиросную коробку,
На пепельницу из стекла,
На завалившуюся пробку,
На исходящие дела,
На все, что жизнь его заело,
Что душу выжгло и сожгло,
На все, что быть еще могло,
Что попросту быть не успело — —
Огромный парус раздувая,
Как грозный призрак корабля,
В ночь обрывается земля,
Ночь наступает гробовая.
И в этой совершенной мгле,
В аду крошечном и чернильном,
Он видит — солнце на столе
Качается в дыму кадильном.
И сам он, легкий как стрела,
Одетый по последней моде,
Плывет в большие зеркала,
Где зреют розы без числа,
В органнй гром, в колокола, —
В такую высь, к такой свободе — —

1945

Ночные бабочки

На площади клубится пар,
Скрипит фонарь в ключе скрипичном,
Без смысла в тупике кирпичном
Качается стеклянный шар.
В нем бабочка заключена, —
Невольной жалости достойна,
Она, от боли иль спьяна,
Срываясь, бьется беспокойно,
Насквозь огнем прокалена.
Летучей плоти отраженье
Трепещет и шуршит слегка, —
Я узнаю издалика
Ее падучее круженье.
Я молча подползаю к ней,

Слежу полет ее бесплодный, —
И хлещет дождь за мной холодный,
Бурлит меж уличных камней.
Я слышу лепет несуразный,
Дышу на мутное стекло
И жду – пускай прохожий праздный
Вонзит свой ноготь безобразный
В обвисшее мое крыло.

1944

* * *

В ночном молчанье, в некий час,
Когда душа почти не дышит,
Но жадно слушает и слышит,
Как время падает на нас, —
Когда, сознание размывая,
Проносится сквозь тело тьма,
И рядом ходит смерть сама,
Нас длинной тенью задевая, —
Что в этой скудости земной
Тогда нас держит и волнует?
Что в этой вечности дурной
Нас к вечности иной ревнует?
Уже полсердца сожжено,
Вздохну – и сердце оборвется, —
И вот оно все бьется, бьется,
Как будто жить осуждено.
И длится дрожь существования,
Пустая память о былом,
Волна, разбитая веслом,
Ночь без лица и без названья...

1943

* * *

Дождь сечет. Фонтан кирпичный
Мутно газом освещен.
Тьма и шорох. Мир обычный
Чем-то тронут и смущен.
То ли выплески канала
Заглушает шум дождя,
То ль душа моя, бродя,
Поскользнулась и упала?
И прильнув к земле холодной,
Сквозь асфальтовый покров

Различает многоводный
Плавный ток иных миров — —
Только отдых и молчанье,
Шелест ветра на столбах, —
Только времени журчанье
В водосточных желобах.
Отсырела папираса,
Липнут волосы к виску, —
Городскую площадь косо,
Не спеша, пересеку.
Обойду квартал туманный,
Скрытый жар перевозмогу,
Дома, гость непостоянный,
Скучной лампы не зажгу.

1931

* * *

Непрочное апрельское тепло
Срывается на стужу поминутно,
Встает волна медлительно и мутно
И падает на камень тяжело.
Неверный день, неверное свиданье — —
Приглохший город кажется пустым.
Лазурь уходит в облака и дым,
Моя душа уходит в ожиданье.
О, если бы ты снова не пришла!
Стоять бы так, томить воображенье — —
Есть в мире зло, ты — излученье зла,
Есть в мире смерть, ты — смерти отраженье.

1939

* * *

Еще не глядя, точно знаю,
Чем тронуты твои черты, —
Как будто сердцем вспоминаю
Тот мир, которым дышишь ты.
Как будто не было меж нами
Ни столкновений, ни преград,
Как будто вещи говорят
Со мной пророческими снами.
Да, я люблю, и ты за мной
Готова следовать послушно,
Но нетревозно, равнодушно,
Но отдаленно, стороной.

И часто в слабости любовной
Клонясь на грудь твою, в тиши
Я слышу сердца бег неровный
И дрожь холодную души.
И сквозь опущенные веки
Я вижу в темном забытии
Невоплощенный образ некий, —
Черты грядущие твои.

1939

* * *

Л. Росс

Уже ноябрь туманит фонари,
Все улицы просторнее и тише,
Прохожие спешат, лишь два иль три
Уткнулись хмуро в мокрые афиши.
Еще в саду на сломанном столбе
Качаются забытые качели, —
Мой милый друг, не кажется ль тебе,
Что мы прошли и молча постарели.
Все я да ты, понятливый мой пес,
Под сумерки недлинная прогулка,
Холодный чай да пачка папирос,
Да для тебя прикупленная булка.
Так и летим. В пустынные миры,
Сквозь мрак и дождь к созвездью Геркулеса,
Не отрываясь от земной коры,
Не замечая собственного веса.
В ошейнике иль в старом пиджаке
(Не все ль равно?) мы вышли на дорогу,
Все ты да я — и оба налегке,
Не торопясь, почти шагаем в ногу.
Ноябрь, ноябрь. И зонт не перекрыт, —
Но воздух так деревьями колышет!
Весь город легким воздухом омыт,
И каждый лист не шелестит, но дышит.

1948

* * *

Поздно, поздно. В бороде
Невеселого соседа
Дым запутался с обеда.
Ночь в бокале. Ночь везде.

Загremела штора где-то,
Стукнул пьяный по столу,
Музыкант жует в углу
Запоздалую котлету.
Хорошо уйти отсюда
В сумрак влажных площадей,
Чуть подальше от людей,
От неубранной посуды.
Расстегнув крылатки ворот,
Втиснув Пушкина в карман,
Пробираться сквозь туман,
Сторожить любовно город.
Скоро сонный мир проснется,
Захлопочут чердаки, —
Недоверчивой строки
Рифма легкая коснется.

1931

Листья

Е. Ю. Рамм

Сырые листья вдоль дороги
Туманным золотом блестят,
Они уже полны тревоги,
Срываются, но не летят.
Дай срок. Пусть ржавчина их тронет,
Сожжет морозная земля,
Пусть ветер северный угонит
Их в одичалые поля.
От зимних бурь они проснутся
И, сталкиваясь на лету,
Шумящим роем унесутся
В ночь и в ночную высоту.

1949

Карусель

Кусты сирени и свобода,
Толпа подвыпивших зевак,
Прямая мачта возле входа, —
В лазурном поле белый флаг.
На карусели под шарманку
Брезентом хлопает весна,
Плащи и платья наизнанку
Расхлестаны, как знамена.

И с чьей-то шляпки розовой
Летит в шарманочный поток,
Плывет по воздуху измятый,
Как бы притоптанный цветок.
И я, в моей печали важной,
Молчу и никну головой, —
В моей руке цветок бумажный
Благоухает как живой.
Двойной булавкой осторожно
Его прикалывают там,
Где расцветать еще возможно
Живым и призрачным цветам.
Вдыхая пудры запах сладкий,
Табачный горьковатый дым, —
На размалеванной лошадке
Скачу за солнцем голубым.
Оставь меня в моем круженье,
Возврата позднего не жди, —
Я всадник в гибельном сраженье
С засохшей розой на груди.

1946

* * *

За дверью голос дребезжит,
Ключей тяжелых громыханье, —
Там раб с винтовкой сторожит
Мое свободное дыханье.
А я над городом парю, —
Моя дорога так воздушна,
Моя тюрьма мне так послушна,
Что я тихонько говорю:
Живое сердце мыслить учит
Не в глубину, а в высоту, —
Он не задушит, не замучит
Высокую твою мечту.
Смотри, как чудно просветлела
Иссохшая твоя рука,
Как стала плоть твоя легка,
Какой звездой она взлетела
В сверкающие облака.

1944

* * *

Нас трое в камере одной,

Враждующих в пространстве малом;
С рассвета говор площадной
Уже трещит в мозгу усталом.
А по соседству, через дверь,
Четыре смертных приговора, —
Быть может, и для нас теперь,
Не в эту ночь, но скоро, скоро — —
И вдруг, на некий краткий час,
Душа в молчанье окунулась,
Закрылась от голодных глаз,
В глубокий сон как бы проснулась.
И внемлет медленным громам,
Их зарожденью, нарастанью,
И тайным учится словам,
Еще не связанным гортанью — —
Лишь шелест трав, лишь грохот вод,
Лесов ночное колыханье, —
В застенках всех земных широт
Свободы легкое дыханье.

1944

* * *

Терзаемый недугом грозным,
Оставленный моей судьбе,
Я догорал в жару тифозном
И громко плакал о тебе.
В огне неуголимой жажды,
Срываясь поминутно в бред,
Я подолгу и не однажды
Лизал холодный пистолет.
И в орудийные удары,
В ночную трескотню ружья
Вплетались жалобы Тамары
И лепет горного ручья.
Один лишь сон, одно виденье,
Невыносимое для глаз, —
В дневной лазури белой тенью
Вставал из марева Кавказ.
И снежные пласты взрывая,
Меж глыб голубоватых льда,
Гремя, бежала ключевая
Неуловимая вода.
И как вода неуловима,
Позванивая и дразня,
Журча, ты растекалась мимо,
Ты уходила от меня.

1937

* * *

Нас обошли и жали с тыла,
Снаряды близились к концу,
И стала смерть лицом к лицу
И пульей вражеской завывала.
Шумели громко хвастуны,
Молчали храбрые устало,
И пламя черное войны
На горизонте клокотало.
В разбитой хижине к утру
Совет составилась случайный,
И не было уж больше тайной,
Что с первым солнцем я умру.
В дырявых сумках эскадрона
Остаток скудный наскребя,
Я молча разделил патроны,
Один оставил для себя.
Тогда, в минуты роковые,
Как будто гибели назло,
Тогда, клянусь, меня впервые
Такое счастье обожгло, —
К такой свободе полноводной
Душа прильнула наяву, —
Что новый день, как смерть свободный,
Стал днем живых. И я — живу.

1937

* * *

Мой сад наполнен влагой дождевой,
И шорохом, и мраком, и движеньем, —
Не видно звезд, но воздух грозовой
Как бы насыщен звездным отраженьем.
Еще блуждает глухо в вышине
Недавних молний отрешенный трепет, —
Возвратный ливень где-то в стороне
Возобновляет торопливый лепет.
Вот рухнет гром. Дрожащая листва
Как океан вскипит и заклокочет — —
Прислушайся, — душа моя жива,
Но жить тобой она уже не хочет.

1945

* * *

Лазурь безоблачно мутна,
В саду деревья веют жаром, —
Ты полудремлешь в кресле старом, —
Я замечаю – ты больна.
Я молча руку подаю
Для помощи, не нужной боле,
Я руку легкую твою
Еще целую поневоле,
Но не люблю. Не узнаю.
День без примет и без числа,
День медленного увяданья, —
В траве жужжащая пчела
(И роз удушливая мгла), —
Все лишь предлог для состраданья.
Быть может – лишь предлог для зла.

1946

* * *

Анне Присмановой

Играл оркестр в общественном саду,
Рвалась ракета с треском и горела,
И девушка с цветком в руке смотрела
Поверх меня на первую звезду.
Из глубины взволнованного сада
На освещенный фонарями круг
Ночь темной бабочкой спустилась вдруг,
И медленно нахлынула прохлада – —
Что помнишь ты, о сердце, в полной мере
Из тех годов, из тех высоких лет?
Любовный плач о выдуманной Мэри,
Два-три стиха и тайный пистолет – —
Шумит земля в размерах уменьшенных,
Как вырос я для зла и для добра, —
Предчувствий светлых робкая пора
Сменилась бурей чувств опустошенных.
Сухой грозы невыносимый треск,
Бесплодных туч гремучее движенье,
Но нет дождя. Лишь молния и блеск,
Один огонь, одно самосожженье.

1943

* * *

Звезда скатилась на прощанье,
Твой взор зажегся и погас, —
Лишь эхо слушает молчанье,
Соединяющее нас,
И ясно повторить готово,
Рассыпать по ночным кустам
Уже прильнувшее к устам,
Еще не сказанное слово.

1939

* * *

Прохладных роз живая белизна
В росе, в слезах, во мгле голубоватой, —
Над городом прощальная весна
Склоняется с улыбкой виноватой.
Кой-где дома, не в ряд, освещены,
Грустит рояль под женскими руками —
Мечтатель праздный бродит вдоль стены,
Отмеривает рифмы каблуками.
По улицам пригложшим и пустым
Повеяло былым очарованьем, —
Над крышами туман иль светлый дым
Готов смешаться с облаком ночным,
Чтоб завтра стать простым воспоминаньем.

1948

* * *

Сергею Маковскому

Пройдет трамвай, и в беге колеса
Взметнутся листья вихрем золотистым,
Прохожий в парке подзывает пса
Рассеянным и приглушенным свистом.
Да, осень, осень. Все обречено, —
И взмах руки в заштопанной перчатке,
И стук мяча на теннисной площадке,
И музыка в пустынном казино.
Какая жалость в мире разлита,
Как предана душа воспоминаньям, —
Каким испепеляющим лобзаньям

Мир отдает прохладные уста.

1939

* * *

Горят широкие листы
Осенней трепетной любовью,
Бульвары густо налиты
Сентябрьским золотом и кровью.
Томись, душа моя, томись, —
Вечерний воздух свеж и влажен,
Как музыка струится высь
Вдоль городских высоких скважин.
Цветут блаженной синевой
Все тени, трепеты и звуки, —
Не вскинуть ли над головой
Бессильные от счастья руки?
Не закружиться ль в вышине
Сверкающего листопада,
Не прикоснуться ли и мне
К живому творчеству распада?

* * *

Не обвиняй. Любовь не обвиняет.
Прошедший день был холоден и пуст,
Я молча пил дыханье бледных уст,
И видел я, как за ночь смятый куст
Последнюю листву свою роняет.
Как широко раскрылись облака —
Дым вечности — без жизни и движенья, —
Казалось мне — огромная рука
Там начертала наши отраженья.
Два образа из вымыслов моих,
Обвеянных и бурями и снами, —
Ночь близкая соединила их
И вознесла торжественно над нами.
И столб дождя, безветрием гоним,
С холма на холм, где чудилась дорога,
Неотвратимо приближался к ним —
Живая тень внимающего Бога.

1943

* * *

Июльский мрак, полночная прохлада, —
Недавним ливнем все оживлено,
И многоствольное дыханье сада
С моим дыханьем бурно сплетено.
Еще грохочет туча в отдалении
Невнятные, но грозные слова, —
Тяжелая намокшая листва
Качается в последнем исступлении.
Но звездный свет в летучей высоте
Уже возник над тьмой первоначальной,
И явственной сердечной глухоте
Негромкий зов любви твоей прощальной.
Приди ко мне, — стань молча у окна,
Гляди со мной и слушай без движения, —
Какая ночь, какая глубина,
Почти без чувств, почти без выраженья.

1943

* * *

Нине

Сентябрь блистает и томится
Своей неверной красотой,
В лазури ясной и пустой
Источник осени струится.
Незамутненные струи
Нисходят золотом и светом,
Тепло, не знакомое летом,
Согрело волосы твои.
Какою жаждой восхожденья
Душа земная смущена!
Как будто вся земля больна
Предчувствием освобожденья.

1938

* * *

Ноябрь туманный за окном,
Пустынный сад подернут сеткой;
Как бы окрашенный вином,
Трепещет лист над голой веткой.

Как неприметно в два-три дня
Весь путь земной усыпан ими — —
Не осень, но простое имя,
Звучащее лишь для меня.

1945

* * *

Глухая осень движется на нас
С туманами, и стужей, и дождями, —
Пустой бульвар усыпан желудями,
Опавший лист свернулся и погас.
Я день-деньской по городу брожу
Без горечи и без воспоминаний,
Забытых чувств и мыслей не бужу
И не ищу насильственных признаний.
Лишь сумерки приветствуют меня,
Все – тишина, беззвучье, послушанье, —
Пролетки скрип, и колеса шуршанье,
И фыркание смиренного коня.
Широкий зонт над согнутой спиной
Копытам в такт качается пугливо, —
И забредает ночь неторопливо
Во все сады, оставленные мной.

1945

* * *

Е. Ю. Рамм

На склоне городского дня
Шаги и глуше и небрежней, —
Вновь осень трогает меня
Очарованьем грусти прежней.
Я почерневшую скамью
В саду пустынном занимаю,
Я шляпу влажную мою
Движеньем медленным снимаю, —
И слушаю, как шелестят
Верхушки легкие над садом,
Как листья желтые летят
И падают со мною рядом.
Я тонкой тростью обвожу
Их по краям и протыкаю,
Я молча в прошлое гляжу
В нем слабой тенью возникаю.

И возвращаюсь не спеша
В мою привычную заботу, —
В тумане сучьями шурша,
Весь город (или вся душа)
Уже готовится к отлету.

1946

* * *

Весь день вдыхаю с дымом папирос
Бескровный воздух городского сада.
Октябрь, октябрь. Опять моих волос
Касается осенняя прохлада.
Как льется звон вдоль четкого ствола,
Как важен шум деревьев надо мною!
Сквозь жар дубов березовая мгла
Просвечивает нежной белизною — —
Не шевелись. На темном рукаве
Блистательно пылает лист широкий, —
Вот-вот в закат по скошенной траве
Проскачет молча всадник одинокий.
Уже летит над лугом синева, —
Ты хочешь знать таинственное имя?
Быть может, смерть. Но краски и слова,
Но эту дрожь — любовь зовет своими.

1938

* * *

Е. Гризелли

Вздыхает эхо под мостом,
В траве дремотное журчанье, —
Все те же звуки, все о том,
Что погружается в молчанье.
Но землю слушать мне дано
И числить время по-иному, —
Так погребенное зерно
Опять лучам возвращено,
Чтоб дозревать не по-земному
Пленительная вспышка дня,
Последний блеск исчезновенья!
Как вечность длится для меня
Дар мимолетного мгновенья.
И ты, любовь моя, со мной, —
Сквозь наслажденья и страданья

Тыходишь в сердце новизной
Уже предсмертного свиданья.

1949

* * *

Огни пустынного залива
Прошли и скрылись в стороне.
Без ветра в бледной вышине
Бежали облака пугливо.
Как быстро скудная земля
В сиянье влажном потонула!
Дыханьем весла шевеля,
К нам бездна ластилась и льнула.
Ломая встречную волну,
Волна широкая дымилась,
Беззвучно по морскому дну
Звезда разбитая катилась.
И было весело качать
Ее текучее миганье
И сонной бури содроганье
Холодным сердцем отмечать.

1936

* * *

Темнеет небо понемногу
Светлеет первая звезда,
Тень затуманила дорогу
День закатился навсегда.
Но ночь еще не наступила,
Природа кажет два лица, —
Что надвигается, что было, —
Еще не слито до конца.
На всем тревога раздвоенья,
Рассеянн томится дух, —
Земля взамен дневного зренья
Ночной приоткрывает слух.
И близкой ночи шорох важный,
И дальний шум дневных тревог, —
Все разрешается в протяжный,
Огромный и глубокий вздох.

1943

* * *

Заря уже над кровлями взошла.
Пора. Пестрит узорами страница,
И синева усталости ложится
На влажный блеск оконного стекла.
Но жаль уснуть. Смущенная душа
Так непривычно вдруг помолодела,
Так просто рифма легкая задела
Медлительный клинок карандаша.
Я не творю. С улыбкой, в полусне,
Набрасываю на бумагу строки,
И свежий ветер трогает мне щеки
Сквозь занавес, раздутый на окне.
Как я люблю непрочный этот час
Полусознания, полудремоты, —
Как пуст мой дом. Как дружелюбно кто-то
Касается моих усталых глаз.
О, это ты, последняя отрада, —
В квадратном небе зреет синева,
Чуть-чуть шуршит незримая листва,
И никого, и никого не надо.

1931

* * *

Н.

Сколько грохота и грома,
Сколько оглушенных птиц!
Содрогаясь, стены дома
Ловят отблески зарниц.
Мчит разруху дождевую
Мутный выворот воды,
С шумом в темень огневую
Рвутся мокрые сады.
Ты, что песней огласила
Свой земной короткий путь,
Ты, что песен лишь просила,
Слышишь ли ты что-нибудь?
Иль гроза не достигает
За могильные врата?
Только влага набегает
На размытые уста.

1937

* * *

Дождь, дождь и дождь. И ночь. В окно
Летит клоками пена с мола,
Все скрытое – обнажено,
И неустойчиво, и голо.
Все в мире ищет пустоты,
Стремится в мрак первоначальный,
На берег плоский и печальный
В такую ночь выходишь ты.
Глядишь сквозь струи дождевые
На черный горизонт, туда,
Где, словно тени огневые,
Проходят дальние суда.
Высокомерный от страданья,
Под бурным ветром ледяным
Ты ждешь прощанья иль свиданья
С забытым призраком ночным.
Ты счастья просишь иль измены,
Равно не веря ничему,
И ловишь клочья белой пены,
Летающей в северную тьму.

1939

Трубачи

На летнем взморье трубачи
Зарю морскую провожали,
Ее прощальные лучи
На меди заревом дрожали.
В веселый ритм вовлечена,
Толпа купальщиков гудела,
И женщина влюбленно пела
В широком вырезе окна.
Но, не вступая в общий хор,
Отражена горой соседней,
Одна труба (иль эхо гор)
Звучала жалобой последней.
Нас тихо к берегу несло,
За нами тень влеклась несмело, —
Порой небрежное весло
В сухой уключине скрипело.
Крыло под ветром накреня,
Над нами чайка пролетала,
Как белый парус трепетала
На пляже чья-то простыня.

День уходил. Теплом и светом
Вступали сумерки в него,
И было ясно, – в мире этом
Мы не любили ничего.
Иль, может быть, в пустом просторе
Лишь сонных весел мерный стук,
Быть может, только эхо в море,
Горами отраженный звук.

1931

Пена

Гляди на ключья легкой пены,
Но их напрасно не лови, —
Мы умираем от измены,
Мы умираем от любви.
Оставь душе ее свободу,
Но пламень сердца укроти, —
Случайный ветер тронет воду —
За легкой пеной не лети.
Пусть блеском солнечным упьется
Иль схлынет на морское дно,
Пускай о камень разобьется,
Слезой свернется – все равно.
Она была и перестала,
И быть иною не могла, —
Чужим движеньем трепетала,
В чужом паденьи умерла.

1934

* * *

Чиновник на казенном стуле,
Усердствуя, протер дыру, —
Его начальственно ругнули,
И он постиг: не ко двору.
Стул очень быстро починили.
Чиновник умер. В феврале
Его семейно хоронили,
Прилично предали земле.
И кто-то отпечатал «В Бозе»
На ленте кремовой венка,
И снег на одинокой розе
Сверкал, похрустывал слегка.
И вдруг душа моя припала
К дешевым лентам и цветам, —

О, Боже мой! Как страшно мало
Ты нам оставил здесь и там.

1944

Розы на снегу

Дымятся розы на снегу,
Их выюга замечает пылью, —
Проворный попик на бегу
Трет белый нос епитрахилью.
Трескучий холод кости ест, —
Все разошлись мороза ради, —
И только – розы, снег и крест,
Приваленный к чужой ограде.
И двое пьяниц, – землю бьют,
Тяжелым заступом ломают,
Продрогнув, крепко водку пьют
И что-то грешное поют,
Отроковицу поминают.
И во хмелю своем, гордясь
Ее невинной красотой,
Уж не робея, не стыдясь,
От ветра лишь отворотясь,
Нечистой тешатся мечтою – —
Железная земля тяжка, —
Гроб гулко ахает и стонет,
Под грудой мерзлого песка
Никто не смеет и не тронет.
Она лежит, снегов бледней,
На смертном иль на брачном ложе,
И небо низкое над ней
На вечность мутную похоже.
Дымится куст, дымится твердь,
Земля во власти мглы летучей,
Безлюдье в темноте скрипучей, —
Лишь ночь и ночь. Лишь смерть и смерть.

1944

* * *

Большие звезды недвижимы,
И прочен камень под ногой;
Лишь поздний ветер – мимо, мимо, —
Грозит рассыпаться пургой.
Без снега все оледенело,
Все стало твердым и звенит, —

Мороз и ночь целуют смело
Холодный воск твоих ланит.
Ты на постели белоснежной,
На ложе девственно-льняном, —
Так необычен профиль нежный
При слабом пламени свечном.
Но это ты, тебя я знаю, —
Твои уста, твоя рука, —
Я каждый шорох вспоминаю
И каждый жест издалика.
Былая страсть еще со мною,
Я жду ответного огня, —
Явись, явись, пускай иною,
Пускай другой, но для меня.
Могиле вечность только снится,
За гробом вечность не нужна,
Как снежный прах она дымитя,
Как камень падает она.
Без наслажденья и без боли,
Лишь маска мерзлого лица,
Лишь краткий вопль в пустынном поле,
Который длится без конца.

1945

* * *

Был музыкант – и больше нет, —
Бредет с поминок дьякон хмурый.
Ночь дует яростно в кларнет,
Не затрудняясь партитурой.
Труби, труби, жестокий рог, —
Быть может, кто-нибудь услышит, —
Клокочет выюга вдоль дорог,
Сугробы снежные колышет.
Сквозь эту бестолочь и тьму,
Сквозь эту злобную тревогу
Стучатся ангелы к нему
В его морозную берлогу.
Трещит сосновая доска,
Но не поддастся, не обманет,
Работа плотничья крепка,
Никто для вечности не встанет.
Трубит до хрипа высота,
Но ни свиданья, ни прощанья, —
Так совершенна глухота
Среди нестройного звучанья.

1946

* * *

Скрипят подошвы в тишине,
Каильный дым легко синеет,
И роза в пышной белизне
На крышке гроба леденеет.
Но вот – опущен в землю гроб
Движеньем ловким и проворным,
И первый камень бросил поп,
За ним старуха в платье черном.
И я, смелея от стыда,
Взял мерзлой глины, как велели,
И долго целился туда,
Где розы хрупкие белели – —
Еще вздыхали здесь и там,
В сторонке говорились речи,
Но холод припадал к устам,
Покалывал тревожно плечи.
И в повседневной суете
Душа привычно опустела, —
Лишь остывающее тело
Рвалось к лазурной высоте.

1944

* * *

О, Боже мой, какая синева!
О, Боже мой, беспомощность какая!
Вспорхнуть, лететь и щебетать, едва
Послушный воздух грудью рассекая – —
Все утерало связанность и вес, —
Взлетают камни стаяй журавлиной,
Развеялись озера над долиной
И к дальним звездам уплывает лес.
А я не знал до этого мгновенья,
Что грубый мускул окрылен давно,
Что столько трепета и дуновенья
В привычной косности заключено – —
Воздушный шар на шелковистой нити
В голубоглазом царстве детворы, —
Каких еще восторгов и открытий
Ждать от веселой и простой игры?
Мой первый день земной моей разлуки,
Мой первый путь к лазурным высотам!
Нет, ты не мне крестом сложила руки,

Ты не меня оплакиваешь там.

1939

* * *

Опять со мной воспоминанья, —
Так в тлеющем черновике
Живут лишь знаки препинанья
На перечеркнутой строке.
Но от чернильницы к порогу,
Дом полунощный накрена,
В какую странную дорогу
Уводит прошлое меня!
Шумят слова пчелиным роем,
И, вслушиваясь в ночь и тьму
Я безучастно руки жму
Моим шекспировским героям,
Давно остывшим ко всему.
Быть иль не быть? Так страшно мало
В душе осталось узелков,
Что жизнь на память завязала, —
Так много новых башмаков
Душа за гробом истоптала.

1949

Вальс

Он ловко палочкой взмахнул,
Дал знак таинственный гобою,
Лукаво флейте подмигнул, —
И, отшвырнув случайный стул,
Я в омут бросился с тобою.
Как море рокотала медь,
И хриплый ангел плакал слева
Холодными слезами гнева
О тех, кто не полюбит впредь.
И в некой глубине подводной,
Где в звездное окно, как в сон,
Стремилась ночь полет свободный
И глухо ахал геликон, —
Корделия, твой голос страстный
Вдруг оборвался и затих, —
Корделия, твой труп безгласный
Растаял на руках моих.
И снова в нищенском уборе,
Скупую отерев слезу

Я заклинаю ночь и море,
Жестокий ветер и грозу.
Обычай древний соблюдая,
Со мной бредет мой шут, ворча,
Дорожным посохом стуча,
И борода его седая
Как плащ струится вдоль плеча.

1944

Офелия

Н. А. К.-П.

1

Ночь ломится в мое окно,
Расплющила о стекла губы, —
Во всех печах режут давно
Морозом схваченные трубы.
В саду белесом вой и стон,
Снег ходит полотном трескучим,
Мой заколоченный балкон
Захлестнут пологом летучим.
Я к стеклам приникаю лбом,
Гляжу настойчиво наружу,
Я ненавиждающим теплом
Дышу в клокочущую стужу — —
Где сучья черные свистят,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.